

**ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ¹.**

(Выработанный редакцией «Искры» и «Зари».)

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою Партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает кроме того предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми

следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляют собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам

эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадёжность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1. Самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа.
2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям.
3. Неприкосновенность личности и жилища граждан.
4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.
5. Свободу передвижения и промыслов.
6. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии и расы.
7. Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.
8. Предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

9. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

10. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

11. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обою пола до 16 лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, Партия требует:

1. Ограничения рабочего дня 8-ю час. в сутки для всех наемных рабочих.
2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36 часов, для наемных рабочих обою пола во всех отраслях народного хозяйства.
3. Полного запрещения сверхурочных работ.
4. Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.
5. Воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-летнего возраста.
6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождение рожениц от работы в течение 2 недель до и 4 недель после родов.
7. Установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста.
8. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.
9. Выдачи государственной пенсии престарелым рабочим.
10. Увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок и браковкой товаров.
11. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.
12. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих

наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей.

13. Распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных.

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15. Запрещение предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.).

16. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

17. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Партия будет добиваться:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие.

2. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель.

3. Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев - дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном Крае и в других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное последовательное и прочное осуществление указанных

политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

* * *

Нам нечего здесь распространяться о том, каково значение программы в деятельности политической партии. Только об'единенная общей программой, партия может вести планомерную и плодотворную работу в интересах дела, которому служит; только формулировав в стройной программе свое общее социально-политическое мировоззрение и предъявляемые ею к современному обществу политические требования, партия пролетариата может вести глубокую и успешную пропаганду революционного социализма и внести об'единяющую струю в широкое народное движение против существующего строя. Без политической программы нет еще, строго говоря, политической партии, имеются на-лицо только элементы слагающейся партии.

Русское социал-демократическое движение, так неудержимо-широко разлившееся за последние годы и в силу этой самой широты своего развития пережившее так много внутренних кризисов, — русское социал-демократическое движение уже давно стоит перед неотложной задачей действительного партийного об'единения. Не решив этой задачи, оно рискует потерять уже завоеванную им позицию в русской общественной жизни — к невыгоде как для интересов пролетариата, так и дела русской свободы.

«Прежде чем об'единиться, нам необходимо сначала размежеваться», писала «Искра» 1½ года назад при первом своем выступлении перед читателями. Появившись в момент одного из самых глубоких внутренних кризисов, переживавшихся нашим движением, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый план задачу приготовления элементов единства в нашей партии путем идейной борьбы за очищение пролетарского движения от всех чуждых, историческими судьбами привнесенных в него, элементов.

Поскольку упомянутый идейный кризис, переживавшийся движением, начинает, видимо, приходить к концу, поскольку логика революционной борьбы сильнее логики печатного слова внедряет в сознание временно-забытые истины революционной социал-демократии, постольку мы можем надеяться на близость окончательного об'единения партии. И мы думаем, что процесс выработки партийной программы сам по себе сделает многое для этого окончательного об'единения.

Программа партии должна выражать коллективную мысль партии. Это значит, что в выработке ее должны принять участие все действующие группы партии. И обсуждение предлагаемого проекта в разных группах и кружках должно послужить прекрасной школой политического воспитания для местных деятелей.

Печатавая свой проект, мы рассчитываем на то, что каждый социал-демократический комитет, каждый рабочий кружок, каждая примыкающая к социал-демократии группа интеллигентов сочтут своим долгом обсудить его и в той или иной форме определить свое отношение

к нему. Мы просим товарищей не медлить с этим делом, ибо на II съезде партии, необходимость созыва которого при нынешних обстоятельствах может представиться каждую минуту, программа партии должна быть утверждена.

Все критические замечания, проекты поправок, резолюции и т. п., присланные в нашу редакцию, будут, по мере возможности, печататься в «Искре» или «Заре», все же, не нашедшее себе места в печати, будет нами представлено на II съезд партии.

В ряде статей в «Заре» и в «Искре» мы рассчитываем дать подробную обосновку предлагаемого нами проекта.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Есть такие признаки, по которым знакомый с историей человек безошибочно может заключить о неминуемом и близком наступлении коренного общественного переворота. Для эпохи, когда старый крепостническо-самодержавный строй идет навстречу своему разрушению, таким признаком являются стихийные крестьянские «бунты». Когда через посредство своего наиболее обделенного пасынка—мужика—история пред'являет классовому обществу залитый кровью и слезами многовековой вексель, тогда вы можете быть уверены, что день развязки близок. Зарево пылающих дворянских усадеб всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революции, наносившей последний удар крепостническо-самодержавному порядку, и «красный петух» крестьянского мятежа должен был сыграть в последний раз свою революционную роль прежде, чем смогло на просторе развернуться красное знамя революции пролетариата.

Революция, навстречу которой быстро идет современная Россия, будет буржуазной революцией в том смысле, что она окончательно очистит путь общественного развития от всех исторических пережитков крепостного строя и даст полный простор развитию капитализма и порождаемой им классовой борьбе. Из всех признаков приближающейся революционной катастрофы нам до сих пор не доставало только серьезных взрывов «крестьянской войны». Вспыхнувшее в марте широкое крестьянское движение в южных губерниях заполнило этот пробел и дало возможность с безошибочной уверенностью подсчитать все факторы надвигающегося на страну общественного переворота. В этом — крупное историческое значение недавних крестьянских волнений.

Правительственное сообщение об этих волнениях тщательно старается скрыть тот несомненный факт, что последней каплей, переполнившей чашу терпения южно-русских крестьян, была блестящая «продовольственная кампания» Сипягина и его присных, устранивших земство от забот по прокормлению голодающих. После того, как правительство бросило вызов всему обществу, отобрав от земства продовольственное дело и запретив частную благотворительность, — после этого ему, конечно, неудобно разоблачать тот факт, что его политика борьбы против помещичьего земства привела к столь неприятным для помещиков последствиям, как опустошение 80-ти с лишним имений. Тем усерднее правительственное сообщение старается остановить внимание публики

на связи крестьянских волнений с революционной пропагандой, при чем, против обыкновения, не умаляет значения последней, но, напротив, сильно раздувает. Поверить правительственному сообщению, так все беспорядки и возникли-то только благодаря «книжкам». Цель такого изображения дела ясна сама собою — воспользоваться шкурным страхом помещиков и восстановить их против революционных партий. Ту же цель преследует и служащая как бы комментарием к сообщению статья «Московск. Ведом.», озаглавленная «Плоды революционной идеи». Статья рисует «образованным классам» все ужасы «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», и пытается, играя на струне шкурного страха гг. собственников, убедить их сплотиться около престола и порвать не только с революционерами, разжигающими социальную борьбу, но и с либералами, которые своими разговорами о законности и свободе только подрывают ту «социальную дисциплину», в силу которой полагающиеся в каждом благоустроенном, т. е. основанном на нищете народа, — обществе миллионы «варваров» (на благозвучном языке реакционеров это имя означает трудящуюся массу) не смеют, даже будучи доведены до голода, посягать на собственность «культурных людей».

Называя крестьянский бунт «бессмысленным», реакционная газета утверждает неправду. Не так уж нелепо, что изголодавшийся человек, забыв всякую «социальную дисциплину», отбирает хлеб у тех, кому этот хлеб служит средством для ростовщически-кабальной эксплуатации. Но, может быть, «Московск. Ведомости» имеют в виду «бессмысленность» стихийного, неорганизованного движения, дающего временный исход налипавшим чувствам, но не изменяющего ни на волос общественных отношений? Если так, то мы можем ободрить «Московск. Ведомости» ссылкой на русское рабочее движение. И оно некогда начиналось с «бессмысленных», т. е. неоформленных движений, и в нем на первых порах его развития не было недостатка в таких происшествиях, как стихийный и разрушительный взрыв ярости, вызванный появлением первой социалистической прокламации... Тем не менее, прошло всего несколько лет, и этот «бессмысленный» элемент исчез из рабочего движения, и теперь уже каждое его крупное проявление означает дальнейшее перераспределение общественных сил, усиление пролетариата и ослабление буржуазии и самодержавия. Исчезнет «бессмысленный» элемент и из крестьянского движения.

Но что сказать о тех людях, которые позволяют себе называть «беспощадным» восстание голодающих крестьян? После грандиозных истязаний «бунтовщиков», произведенных кн. Оболенским², после расстрела крестьян под Полтавой только цинической насмешкой может звучать это упоминание о «беспощадности» бунта тех, кто, согласно правительственному сообщению, не совершил ни одного насилия во всем районе движения, несмотря на то, что в их руках находились жизнь и честь помещиков и их семейств. Но пусть остерегаются реакционеры издеваться над такой «беспощадностью». После Нарвского поражения Петр I благодарил своих «учителей» шведов за то, что они научили его побеждать врага. Один-два таких урока, как крестовый поход князя Оболенского, сопровождаемый роскошными пиршествами господ офицеров с помещиками по случаю «победы и одо-

ления», — и можно поручиться, что крестьяне усвоят себе в совершенстве науку быть «беспощадными» по отношению к побежденному врагу. Не даром, рассказывают, воронежские крестьяне собрали розги, послужившие целям восстановления «социальной дисциплины», говоря, что они им пригодятся, когда придется пороть нынешних кнutoбойцев.

Об этом следовало бы подумать тем полтавским и харьковским помещикам, которые вопят о недостаточной свирепости царских лакеев и требуют новых и новых жертв. Им не требуется большой проницательности и вовсе не нужно поступиться своими интересами, чтобы понять, что предстоящая реформа общественных отношений, которой сочувствуют все сколько-нибудь образованные слои их класса, не может не сопровождаться ликвидацией всех запутанных поземельных отношений, унаследованных от половинчатой «великой реформы» 61 г. и порождающих все те поводы, которые вызывают и делают неизбежными все большие и малые крестьянские «бунты». А раз эта ликвидация неизбежна, раз перед Россией ставится дилемма — или разрубить гордиев узел «крестьянского вопроса» или обресть себя на вырождение, то политически-мыслящая часть землевладельцев поступила бы благоразумнее, если бы воспользовалась фактом крестьянского восстания для усиления своего натиска на правительство, для расширения своей борьбы с существующим режимом, вместо того, чтобы молчаливым одобрением совершенных над крестьянами жестокостей сеять в побежденных нынешнего дня жажду мщения. Конечно, дело русской революции и, в частности, дело русского крестьянства обстоит бы довольно плохо, если бы его исход зависел от степени политического развития тех классов, которые любят себя называть «образованными» и которые в соответствующий период истории западно-европейских стран играли руководящую роль в деле общенациональной борьбы за уничтожение сословно-крепостного и самодержавного режима. К счастью, у нас положение иное. Последний акт великой исторической борьбы за превращение сословно-крепостного строя в строй буржуазный разыгрывается у нас в такой момент, когда уже успел сильно подвинуться вперед процесс формирования того класса, который является «прирожденным» могильщиком этого буржуазного строя. Русский пролетариат уже стоит на ногах; он уже приобрел значение важного фактора в общественной жизни. 20 лет назад, указывая революционерам на этот класс, русские социал-демократы говорили: наша программа не жертвует ни деревней, ни городом. Она указывает на лучшее средство для вовлечения деревни в русло исторического движения города.

Этим средством было развитие рабочего движения. И практика показала, как много дало это средство. То, чего не могла сделать самоотверженная борьба людей 70-х годов, то достигнуто «само собой», как результат той «встряски», какую задало всей России рабочее движение, развивавшееся под знаменем программы, которая, если верить ее противникам, «игнорировала» деревню. Стоило только рабочему движению охватить все городские центры России, стоило ему только революционизировать всю окружающую городскую среду для того, чтобы и деревни коснулся пожар «разрушительных» идей, чтобы и деревенский люд услышал о «городской» борьбе

за свободу и отозвался на нее борьбой против своего векового угнетения. Конечно, это воздействие городской революции на деревенские «устои» — устои рабского смирения и азиатской пассивности — проявляется пока слишком недостаточно. Сельскому люду пока еще достаются только крохи революционных идей, распространяющихся в городе. Но важно уже и то, что, не отвлекая значительной части своих сил на непосредственную пропаганду в деревне, рабочее движение все же много сделало косвенно для революционизирования последней. Сознавая это, русские социал-демократы должны возможно интенсивнее использовать для своей агитации те новые элементы революционного брожения, которые обнаружились в мартовских «бунтах».

Это не значит, что мы должны непременно перераспределить свои организованные силы и отрядить часть их в деревню. Для этого у нас едва ли хватит сил, а задачи дня требуют концентрации главнейших сил на борьбе в городе. Но в этой последней борьбе мы должны больше прежнего заняться «крестьянским делом». Мы должны разоблачать перед рабочими и другими недовольными группами преступность политики царизма по отношению к крестьянству, должны пригвоздить к позорному столбу всякое новое насилие над крестьянами, каждое новое преступление против голодающих. Мы должны сделать известными всем рабочим массам все подробности недавнего крестьянского восстания, все ужасы правительственных расправ над «бунтовщиками». Мы должны, наконец, всячески пропагандировать ту программу политических и социальных реформ, проведение которой одно только радикально излечит русскую деревню от всех язв, порождающих ее нынешнюю беспомощность и нищету. Разумеется, где можно, мы должны обращаться с этой агитацией и прямо к сельскому населению*. Так, комитеты тех городов, в которые летом стекаются десятки тысяч отхожих сельскохозяйственных рабочих, могли бы без особых затруднений распространить среди них ряд воззваний и этим, между прочим, ознакомить большую массу крестьян с харьковскими и полтавскими событиями.

Только партия пролетариата может выдвинуть против угнетающих русское крестьянство зол сколько-нибудь действительные средства. Против бедствий, происходящих от совмещения крепостнической, капиталистической и фискальной (казенной) эксплуатации, серьезно бороться может лишь та партия, которой программа является по существу наиболее революционной в социальном отношении, наиболее демократической в политическом смысле. Половинчатым реформам, которые могут предложить крестьянам связанные с буржуазным обществом либеральные или народнические партии, рабочая партия должна противопоставить программу коренной ломки всех «патриархальных» отношений кабалы и опеки, программу полной демократизации деревенского строя. Читателю в этом же № предлагается проект социал-демократической аграрной программы, осуществление которой во всей полноте сразу вырвет крестьянство из обстановки крепостного варварства и создаст для него условия нормаль-

* Кстати. Неизвестный нам корреспондент сообщает об успехе, которым пользуется среди крестьян Харьковской, Полтавской и др. губерний изданная нашей организацией брошюра «Правда о бедствиях простого народа».

ного развития. В союзе с революционным пролетариатом крестьянство сможет добиться осуществления этой программы, хотя бы против него — по желанию «Московск. Ведомостей» — соединились все силы классов, именующих себя образованными.

«Городское» революционное движение, вылившееся в форму массовых демонстраций, поставило перед пролетариатом и примыкающей к нему интеллигенцией вопрос о конечном пределе этого движения, о заключительном его моменте. Конечно, возможно, что самодержавие уступит еще до приближения этого заключительного момента. Но самая возможность таких уступок обуславливается реальностью этого момента, возможностью угрозы им. Таким моментом для движения, подобного современному, является всероссийское восстание. Те, кто считают это последнее неосуществимым, ссылаются на мнимую непобедимость современного правительства в уличной борьбе, вытекающую из чисто технического военного превосходства. Но с всероссийским восстанием в городах, поддержанным открытой революцией в деревне, едва ли справится самодержавие. Стоит только просмотреть описание событий в южных губерниях, хотя бы по правительственному сообщению, чтобы убедиться, что, разлившись по всей «сермяжной Руси», крестьянское движение легко обессилит самодержавие и даст возможность нанести ему в городе смертельный удар...

[Л. Мартов]

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ.

В дополнение к сообщению, напечатанному в № 20, приводим новые письма о тех же событиях:

«„Начинается крестьянская революция“, — говорят местные люди, — и, право, я, как вы знаете, до некоторой степени скептик, колебался, каким именем назвать крестьянское движение в Константиноградском уезде, Полтавской губ., и Валковском уезде, Харьковской губ. Стану описывать события так, как я слышал, предупреждая, что между различными рассказами, которые мне пришлось слышать, есть противоречия. Чтобы судить о размерах движения, скажу только, что из Харькова в бунтующие деревни вывели все войска, оставив только небольшие отряды для караульной службы. Губернатор Оболенский из Харькова и полтавский все время на месте в бунтующих деревнях. По словам одного лица, движение охватило 18 волостей. Помещики уезжают не только из деревень, но и из города Валок. Обыватели забирают, что могут, и трогаются в путь, бросая почти все имущество. Все гостиницы в Харькове переполнены приезжими помещиками. Мне удалось видеть одно лицо, приехавшее из Валок. Эта особа видела всех Коробочек, Ноздревых, Собакевичей, двинувшихся со своих насиженных мест. Как видите, уже по этим фактам можно судить, что явление это совершенно исключительное, тем более, что, несмотря на все прилагаемые меры, по словам некоторых лиц, оно не прекращается, а правильной волной двигается с юга на север. Эту местность поразил недород. Уже с осени крестьяне стали чувствовать острую нужду, составляли общественные приговоры еще в октябре месяце и подавали по начальству. Как вы знаете, по предложению мин. внутр. дел, продовольственное дело все было сосредоточено в руках администрации, главным образом в руках земских начальников, и все единогласно признают теперь, что единственная причина крестьянского движения это то обстоятельство, что, несмотря на все их просьбы и ходатайства, до сих пор все приговоры не получили дальнейшего движения. Изголодавшись, крестьяне, наконец, восстали, начали собираться огромными толпами

в несколько тысяч (это видели приезжие). Подойдет толпа к барской усадьбе, вызовет хозяина и требует, чтобы он со всем своим семейством сейчас же уезжал: земля остается крестьянам, хлеб и скот тут же делится, все остальное имущество разламывается, а усадьба сжигается. И так повторяется всюду. Только одного помещика во всем Валковском уезде пощадили, не тронули вовсе, потому что были с ним в хороших отношениях. Но убивать — никого не убивают. Говорят, избили одного земского начальника, и он умер, какого-то управляющего, но лицо, приехавшее из Валок и слышавшее непосредственно из уст администрации, утверждает, что это неверно, что крестьяне ведут себя замечательно корректно, за несколько времени до всех этих событий они предупреждали некоторых помещиков, к которым не питали особенной ненависти, чтобы они уезжали по добру, по здорову. Как началось это движение?

«Вот вопрос, который я задавал очень многим и получил разноречивые ответы. Как я уже говорил, все движение имеет своим основанием полное невнимание со стороны бюрократии к насущнейшей нужде населения, поводом же в различных местах были разные явления: этим я объясняю разноречивость, но не противоречие ответов на вопрос, как началось движение. По времени прежде всего оно проявилось, как кажется, в селе Карловке, Константиноградского уезда, Полтавской губернии. Земли около этого села принадлежат велик. княг. Мекленбургской. Всего земли тысяч 150—200 десятин. Изголодавшись, крестьяне стали домогаться от управления, чтобы оно удовлетворило их нужды: все больше и больше волновался народ, так что под конец приехал исправник усмирять волнение. Исправник повел политику так, что крестьяне видимо с ним согласились и даже отслужили молебен. Успокоенный администратор уехал, а через день или два крестьяне обложили экономию, разгромили сахарный, винокурный и еще какой-то завод и все сожгли, пригласив администрацию удалиться. Хлеб и скот они поделили. В других местах были свои поводы: отказ в аренде, увеличение цен хлеба и т. д. Волна движения все растет и растет. О влиянии каких-либо „вредных“ элементов существуют только догадки, хотя, говорят, в Харькове в тюрьму привезли каких-то личностей, не то студентов, не то просто разночинцев. Говорят, среди крестьян ездил какая-то личность в офицерской форме и читала, что крестьяне должны отнять землю. Легенды я слышал такого рода: будто осталось завешание Александра III, что землю крестьяне должны взять себе. Другая легенда: Николай II бежал за границу, теперь царствует Михаил, который объявил, чтобы крестьяне добывали себе землю своими средствами. Остается сказать мне несколько слов еще относительно способов усмирения. Беспощадная бойня, как определил приезжий; секут ужаснейшим образом. Валковская больница завалена человеческим мясом. Ходят слухи о повешенных, об убитых, называют числа 6—36 и более, но достоверно узнать что-либо нельзя. В этом уезде (Валковский) никого не пускают. На станции железной дор. стоят жандармы и солдаты, возвращают пассажиров обратно. Иногда обыскивают и арестовывают. Так, арестована фельдшерица Дьяченко».

Другой корреспондент пишет:

«Недели две как Полтава занята разговорами о крестьянских волнениях. Волнения начались с селений, расположенных вокруг громадной Карловской экономии, управляющий которой захотел повысить арендную плату за землю, и мало-по-малу распространялись по соседним селениям и волостям, скоро охватив четыре волости (целиком) Константиноградского уезда. Значительный район захвачен и в Полтавском уезде, менее широкие размеры имело движение в Лубенском и Харьковском уездах. Настоящий «бунт», однако, был довольно оригинальным: сравнительно мало было даже поджогов (помещичьих амбаров, сушилен и т. д.), о насилиях над кем бы то ни было со стороны крестьян говорить не приходится: разве только в самой Карловке управляющий, бросившийся на крестьян с руганью и кулаками, подвергся избиению. Все внимание изголодавшихся крестьян обращено было на хлеб, даром валявшийся в громадном количестве в амба-

рах экономий. Они являлись к последним с повозками, обращались к помещикам или управляющим с предложением отпереть амбар и добровольно выдать им часть хлеба и только в случае отказа сами отбивали замки, наполняли свои телеги и отвозили домой. В этом в сущности и состоял весь «бунт». В Чутове, правда, были, кроме того, разбиты две русских лавки, но, повторяю, факты такого насильственного характера были совсем редки, единичны. А, например, помещика Чеснока, всегда хорошо относившегося к крестьянам и постоянно помогавшего им, они совсем не тронули. В другом месте, около с. Коломака (Полт. уезда), помещик спрашивал крестьян, когда же они придут к нему за хлебом, но последние отвечали, что они его трогать не будут, т. к. он им полезен своими хлопотами по открытию школ и др. просветительских учреждений. Все это неподлежащие сомнению факты, определенно рисующие настроение крестьян и их план действий.

«Ну, конечно, власти всполошились и тотчас же вызвали войска, которых настойчиво требовали перепуганные и озлобленные помещики. Губернатор, прокурорские и жандармские власти, большая часть полицейского начальства, забрав с собою большую половину войска, находившегося в городе, покинули Полтаву и разбрелись по губернии. Ежедневно являлись в Полтаву новые „ограбленные“ помещики: они громко обвиняли губернатора в бездействии, уверяли, что среди крестьян давно ведется пропаганда — уже года два, что все знали о подготавлившемся бунте, что давно уже надо было принять строгие меры, что и теперь, если бы с первого же дня принятась за стрельбу и сечение, то бунт тотчас же бы прекратился, а не начал распространяться.

«Если бы эти помещики могли на минутку отказаться от близорукого взгляда на вещи, то в крестьянском бунте они увидели бы не акт чьей-либо злой воли, а стихийное движение, вызванное постоянными голодовками, крайней степенью нищеты крестьянского населения, безвыходностью их положения. Не даром же, когда губернатор обратился к толпе крестьян с требованием разойтись под угрозой стрельбы, эта толпа лицом к лицу с войском отвечала: „Стреляйте, нам нечего терять“. Не даром на вопрос того же губернатора о зачинщиках и руководителях крестьяне отвечали, что у них нет вожаков, что пусть наказывают всех. Не даром, наконец, крестьяне, зная, что в других местах на самом деле была стрельба, что там тоже началась порка, и порка ужасная, что и на них идет войско, остаются совершенно спокойными и продолжают увозить из экономий хлеб, продолжают „грабить несчастных помещиков“, и новые селения назначают день, когда им ехать в еще нетронутую экономию за хлебом. Что этот грабёж есть следствие просто голода, на это указывает и то, что в некоторых местах крестьяне предлагали помещикам плату за хлеб (правда, очень низкую), — что же им делать, если они не могут предложить им больше? Ведь, выбирать приходится между смертью и „грабёжом“.

«А что касается до „недостатка строгих мер“ (по словам гг. помещиков), то пусть говорят факты: в Ковалевке, напр., когда на требование властей возратить забранный хлеб со стороны крестьян последовал отказ, войску отдан был приказ стрелять: убиты тут же три человека, один, раненный двумя пулями и проколотый штыком, привезенный в Полтавскую больницу, через несколько часов умер; а с другим тяжело раненым не знаю что случилось. Затем началось сечение. Порка происходила и в Васильевке: лозинок искать некогда было, поэтому били первыми попавшимися сучковатыми ветвями достаточной длины и толщины, и в силу этого (пользуясь деликатным выражением доктора), „целость кожи у всех наказанных нарушена“. Пороли так, что изо рта, из носа обильно текла кровь, — после порки крестьяне вставляли сплошь почерневшие: иногда давали по сотне и по две ударов.

«Упорно утверждают, — и, повидимому, это так и есть, — что несколько человек, глубоко униженные сечением, предпочли повеситься. Порка была в этой же самой Карловке, хотя и после нее, по уходе войск, крестьяне вновь принялись за свое. Секли не всегда по назначению: привели (в Карловке) к губернатору старосту, которого тот

приказал тут же высечь. После экзекуции староста спрашивает, кого же хотели сечь: оказалось, совсем не то лицо. Секли и женщин... Но все это недостаточно строго, по мнению помещиков. Они то и дело обращаются к начальнику жандармского управления, а тот дает им честное слово „доискаться корней“, хотя и сознается, что теперь у них сведений никаких не имеется. Однако, отсутствие каких-либо данных не помешало ему заключить в тюрьму пять человек. Затем — как раз накануне славной смерти Сипягина — здешние помещики послали ему одиннадцать телеграмм, взывая о помощи. Они же собрались под председательством кн. Эристова (предводителя) и послали на высочайшее имя жалобу. Их слепота доходит до такой степени, что жена одного земского начальника и помещика г-жа Белевич (в театре) сообщает: „Знаете, поймали 25 самых что ни на есть главных зачинщиков, а губернатор их отпустил; да и понятно: он, ведь, и сам из них“ (это факт, я его привожу как один из наиболее ярких, быть может, несколько карикатурных иллюстраций бессмысленной фантазии). Фактическая подкладка этого сообщения такова: были арестованы сорок пять „зачинщиков“, из них двадцать пять человек убежали; остальные двадцать сидят в тюрьме.

«Вот, собственно говоря, все крестьянское восстание. Вполне оно еще не закончилось, но нового ничего, конечно, более не произойдет. Как же реагировал на него наш город? Несомненно, некоторая часть очень волновалась, — беспокоилась, и в головах бродили беспокойные и немирные мысли. Но внешним проявлением такого психического состояния до сего времени было только выпущенное воззвание к обществу, производящее, кажется, хорошее впечатление. Там и сям поговаривали об уличной манифестации, — но тем дело пока ограничилось, как ни сознавали многие ее полезность, уместность и даже сравнительную легкость (в виду отсутствия в городе большей части войска и некоторой растерянности властей). Бездейственность эта, может быть, объясняется неопределенностью положения, незнанием в сущности, как держать себя по отношению к таким крестьянским движениям, в которых или совсем никакие требования не выставляются или же выставляются требования, вполне неосуществимые при данных условиях. Ясно одно только: нужно симпатизировать крестьянам, но, что нужно делать, чтобы такого рода недовольство крестьян не пропадало даром и шло на пользу революционному делу, это вызывает много споров и сомнений. Мне кажется, что все это движение лишний раз подчеркивает возможность и необходимость революционной планомерной работы в деревне, — лишний раз напоминает о том, что нужно на столбцах революционной газеты отводить больше места вопросам и нуждам крестьянского положения».

Еще сообщение:

«В Ковалевке солдат встретили мужики. Толпе предложено было разойтись, крестьяне отказались это сделать. Когда офицер Перейша, командовавший ротой, сказал, что будет стрелять, крестьяне ему ответили: „Нет, теперь не такое время, чтобы в нас стрелять“. А солдатам они сказали: „Мы вас кормили до 21 года, а теперь вы будете убивать ваших отцов! А потом опять к нам же придете хлеб есть“. По команде офицера раздался залп — трое убито, 20 ранено, из них двое уже умерли в больнице.

«Полтавский губернатор, приехав в одну из деревень близ Полтавы, потребовал к себе старосту. Тот сидит у себя дома и что-то работает. Ему говорят: „Тебя губернатор зовет“. Крестьянин отвечает: „Теперь другие времена пришли; коли ему нужно, пусть ко мне идет, я его не звал“. Губернатор отправился в хату и говорит: „Ты знаешь, кто я?“ Староста отвечает: „Пан“. Губернатор на это: „Не только пан, но и полтавский губернатор“. Староста: „А мне что за дело. Если пришли, то говорите, что нужно — а я вас не звал“. Его забрали и увезли в полтавскую тюрьму.

«Сегодня один солдат Орловского полка, вернувшийся в Полтаву, рассказывал, что войско с губернатором Бель-

гардом во главе успело пройти 13 деревень. Когда является губернатор, вся деревня становится на колени и просит о пощаде, — говорят: „студенты нас научили“. Потом происходит порка. Сперва порят чинов сельской администрации, потом „зачинщиков“, если таковые найдутся, — дают по 200—250 розог. В Ковалевке перепороли зачинщиков, крестьяне поклялись убить управителя, который их выдал. Войско, по словам солдата, всю пасху остается в губернии.

«Все стоявшее в Полтаве войско ушло в губернию. В Полтаву перевезены драгуны из Харькова и сотни три харьковских казаков.

«В Полтаву приезжает на базар много крестьян из соседних деревень. На вопрос о прокламациях, распространявшихся у них, одни говорят: „У нас не было никаких прокламаций, а была бумага от царя, в которой написано: по указу его императорского величества“. Эти крестьяне рассказывают следующее: еще Александр II хотел поделить поровну землю, но ему сначала помешали паны, а потом он сам не захотел делить. Позже им все-таки была написана бумага о дележе земли, но Александр III спрятал ее. За Николая наша царица потому не хотела выходить замуж, что требовала, чтобы у нас все было поделено, как у них — земли у всех поровну, но Николай этого не хотел. Теперь царь уехал на три месяца за границу и говорит: вы теперь все поделите, а я приеду и все оформлю. Другие же крестьяне рассказывали дело иначе. В прокламациях, говорят они, у нас было сказано: земля должна принадлежать всему трудящемуся населению, т. е. мужикам, которые трудятся. Но она несправедливо принадлежит панам. Вывод отсюда тот, что нужно отнять землю у панов и поделить между трудящимся населением. Но этому будут мешать все те, кому это невыгодно: а невыгодно это панам, войсковым начальникам, министрам, царю. Для того, чтобы отнять землю, надо силой действовать (по другой версии — надо их всех убивать).

«Относительно того, откуда им дан толчок к волнениям, одни крестьяне говорят: „нам царь велел“, — другие говорят: „нам централ ваш велел“, „централка наша велела“. Бабы рассказывали, что видели, как студенты ходили по полям, раскидывали прокламации. Были среди крестьян и такие, например, разговоры, что они ждут отряд в 300 студентов на помощь.

«Теперь крестьяне всех деревень, в которых производилась порка, заявляют, что на пасху они сравнивают с землей Полтаву, Харьков, Киев. „Казна распашет, а мы поделим“. После порки озлобление у крестьян повышается. Приходится слышать от крестьян и следующие заявления: „Мы будем праздновать 1 мая, к нам рабочие и студенты придут из города“.

«В связи с крестьянскими волнениями в Полтаве арестованы студенты Баумштейн и Алексеенко. Баумштейн был репетитором в Карловке, занимался с сыном управляющего Шейдемана. Когда начались волнения, Шейдеман посоветовал ему уехать в Полтаву. Через полчаса по приезде в Полтаву к нему явились власти и арестовали его. Алексеенко — сын богатого помещика, к которому крестьяне также явились с требованием ключей. Арестованы были еще двое поднадзорных, которые из любопытства поехали в Карловку.

«Волнением, характером совершенно аналогичного с Полтавской губернией, охвачены, кроме Харьковской губернии, еще следующие: Саратовская, Киевская, Черниговская, Воронежская, Тамбовская, Тульская и Московская. В Тамбовской губернии волнения начались раньше, чем в других, но войска стоят там еще по сию пору. Беспорядки везде одного характера — крестьяне требуют ключи, делают припасы, землю же — делить не успевают, потому что является войско и этому мешает».

«Крестьянское движение, — пишут нам еще, — началось в последних числах марта 1902 г., сперва в Карловке, Константиноградского уезда, Полтавской губ., где находится имение великих князей Мекленбург-Стрелицких (около 40.000 дес.). Незадолго перед этим в с. Карловку возвратилось 300 чел. крестьян, после крайне неудачной попытки переселиться в Уфимскую губ. Нечего и гово-

рить, что положение обратных переселенцев было поистине ужасным. Они остались почти без всяких средств к жизни. Многим, однако, удалось кое-как устроиться и даже вспахать себе с осени немного земли. Весной же они надеялись получить семянную ссуду для посева... но ссуды не дождалась и принуждены были на занятые деньги покупать семена для уже вспаханных полей. Обратились они, между прочим, и к управляющему великокняжеским имением Шейдеману. Тот, пользуясь таким удобным случаем, заломил с них страшную цену, а затем даже и совсем отказал, по неизвестным причинам, продать семян. На этой почве и возникла первая попытка крестьян восстановить нарушенную справедливость. Они выехали с плугами и запахали 2.000 дес. княжеской земли и набрали себе из княжеских же амбаров семян для посева.

«Затем крестьянское волнение с поразительной быстротой разлилось по Константиноградскому уезду, проникло в Валковский уезд, Харьковской губ., и охватило его почти целиком. В Полтавской губ. почва для такого сильного движения отчасти была подготовлена ходившей среди крестьян нелегальной литературой. Быстрое же развитие волнений в Валковском уезде объясняется новой продовольственной системой. Этот уезд, и без того стоящий на низком уровне экономического благосостояния, постиг сильный неурожай. Были составлены по волостям списки нуждающихся в ссудах на обсеменение полей, но эти списки до сих пор еще лежат в г. Валках, хотя время посева давно уже прошло. Так ведутся в России „продовольственные кампании“.

«Всюду крестьянские волнения вылились в одну форму — забирая из помещичьих экономий семян, орудий, скота и т. п. — и лишь в редких случаях разграбления и сожжения самих усадеб. Сцены происходили оригинальные: являются мужики в имение (обыкновенно верст за 10—12) и без всякого насилия, драки, шума начинают разбирать „панское добро“, как бы возвращая этим себе отнятую у них прибавочную стоимость. Помещики же или загора удирают, или сидят смирно. А вслед удирающему помещику несутся насмешливые крики: тикай, пан, тикай! Достоверно известно о таком разбирании следующих имений: Воликова (Полтавск. губ.), Павлова (с. Нагорное, Полт. губ.), Глушкова (земск. нач. Валковск. уезда), Орлова (с. Михайловка, Валк. уезда), Задонского, Сухомлинова (близ Миньковки), Кузьминова (близ Снежкова), Почтенного (близ села Ковуч), Корсуна (богатый мужик, близ Огульцов, сожжено все до тла), Духовского (с. Мерчик), Фюлера (земск. нач., около Валок, усадба сожжена), сахарный завод Молдавского (близ Коломака), паровая мельница Кузьминова (близ Валок), сахарный завод Кеннга (с. Гуты, Богодуховск. у.). Список этот, во всяком случае, не полон, в особенности для Полтавской губернии. Кроме того, во многих местах на выручку помещиков подоспели войска (всего из Харькова послано более 2 полков и почти весь казачий полк). Так, казаки охраняли имение кн. Голицына и Ширкова (Стар. Водолачи, Шидловского (с. Знаменское; здесь становой до прибытия казаков успел поссорить „ближних“ и „дальних“ крестьян), фабрику Кузнецова (с. Буди) и несколько экономий вокруг с. Гуляй-Поле (Змиевск. уезда). В имении кн. Святополка-Мирского (близ Люботина) даже стояла артиллерия.

«С прибытием войска картина быстро меняется и начинается массовое и зверское избиение крестьян. Казаки даже прибегали к обманам. Явившись, напр., в с. Знаменское, они заявили, что сейчас губернатор будет читать „манифест“ и чтобы крестьяне собрались для этого в одно место. Когда мужики собрались, их оцепили и избили самым зверским образом. В селе Стар. Водолаче харьковский губернатор, кн. Оболенский, пробывший на месте волнений более недели, выбрал 15 крестьян, более виновных, по его мнению, и велел высечь. Это продолжается и теперь. Отбирают у крестьян помещичье добро и секут беспощадно. Иные приходили с повинной и возвращали «награбленное», но и их не жалели. Теперь крестьяне ночью вывозят все, что нельзя спрятать, в овраги и т. п. и бросают. Вообще же настроение очень приподнятое. Крестьяне сами поражены таким необыкновенным явлением в своей жизни. Многие успели переделать попавшие им нелегальные листки в „манифест“ от царя, написанный зо-

лотыми буквами (иначе непонятны все толки о царской золотой грамоте, отдающей им всю помещичью землю). Но жестокости и безнаказанные буйства казаков заставляют их думать, что все „начальства“ за помещиков, а не за крестьян. О вооруженном сопротивлении войскам ничего не слышно. Известно только 2 случая, когда застрелили подубегавшими крестьянами лошадей. Казаки вели себя ужасно: сами били крестьян, грабили их, насильничали над женщинами. Никакие жалобы, конечно, не помогали. Да и какие тут жалобы, когда само его сиятельство кн. Оболенский заявлял высеченным крестьянам: „Это вам, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили, а еще по 30 от меня!“. Этот Оболенский так зарвался, что перешел границы высочайше вверенной ему губернии: начал пороть крестьян Полтавской губ. и высек даже одного старшину, не пожелавшего к нему явиться. Полтавский же губернатор, Бельгард, вел себя человечнее, за что, по слухам, будет смещен. По крайней мере, несколько полтавских помещиков послали министру внутр. дел телеграфную жалобу на бездействие властей. Питерские власти всем этим сильно встревожены.

После приезда Плева в Полтаву Бельгард уволен от должности. (Р е д.).

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из Полтавы (от 17 апреля).

«У нас министр (Плева ³). Пока он еще ничем не проявил себя. С пятницы (стар. ст.) здесь и вице-директор департа. полиции Поярков и член консультации при министерстве юстиции. Происходят какие-то таинственные совещания в жандармском управлении. По всему вероятно дело о демонстрации в театре будет разрешено здесь теперь же, и нет сомнения, что приговор не будет отличаться мягкостью; надо думать, что многим придется уехать отсюда. О деревне ничего не слышно, войска еще там, но город, город совсем на военном положении! Днем и ночью непрерывно ходят патрули. Население терроризовано и кланет „студентов“. Право, по глубине понимания событий здешнее интеллигентное общество хуже мужиков. Никогда не случалось видеть такой грязи. Вот, напр., в субботу пойман какой-то молодой человек, бросавший ночью прокламации в ящики для писем, пойман офицером, который 4 ночи караулил с 4-мя солдатами у дверей своей квартиры. Каков? Арестованный был побит городовыми и помощником пристава в части, затем отправлен в тюрьму. Привезли много крестьян и возят еще; все в тюрьме.

«В день приезда министра правитель его канцелярии нагрянул с ревизией в статистическое бюро и затребовал списки служащих, регистраторов и проч.»...

Из Константинограда (Полтавской губ.).

«Имение Трепке разнесли и разграбили, даже постройки. Имение С. И. Гриневича тоже, но построек не тронули. Карловку тоже. О карловском управляющем Шейдемане говорят разное: то, что он убит, то, что он бежал и скрылся. В Константиноград вытребованы солдаты, в Карловку тоже. Губернск. предвод. Джунковский и вся местная администрация собрались в Карловку... Климовцы приходили к земскому начальнику, у которого они арендуют землю, за советом, что им предпринять. Они получили письма, что если они не примут участия в бунте, то Климовка 15 числа будет гореть со всех сторон.

«На сходках, не стесняясь, говорят, что судов не будет, что будет так, как во Франции (?) и что землю всю разделят. Тяжелое время переживается теперь, много погибнет народу. В Карловке были пущены в ход ружья. Было несколько убитых, но, говорят, что это мало повлияло; говорят, если теперь не удастся, то, когда поспеет пшеница, будем возить ее с экономической земли себе. Чернщане начинают также волноваться»...

Об усмирении крестьян в Валковском у., Харьковской губ., рассказывают такие вещи:

«Губернатор кн. Оболенский (русский Китчинер) сжег деревню, три деревни пересек поголовно: и мужиков, и стариков, детей и девушек. Было несколько случаев самоубийств. Приехавший с „театра военных действий“ офицер говорил, что секут так, что куски мяса отваливаются. Некоторых засекли до смерти. Секут полицейские власти и казаки. Солдаты расквартированы по деревням. Питаются за счет крестьян. Отряды ходят по крестьянам, обыскивают, отбирают взятый у помещиков хлеб. Занимаются этим солдаты неохотно, иногда чисто формальным образом.

«О крестьянских волнениях у нас в городе ходит масса слухов. Распространением таковых, между прочим, занимаются и жандармы. Так, будто бы Плева рассказывал в присутствии нашего ротмистра, что крестьяне, разочаровавшись в исходе бунта, повесили 12 „агитаторов“.

«От жандармов же исходят слухи о „генералах на белых лошадях“, распространявших среди крестьян „манифесты“ и пр.».

Воронеж. Нам пишут по поводу бывших недавно крестьянских волнений:

Крестьяне села Нового и Старого Курлака при выходе на волю получили даровой нищенский надел: на каждую ревизскую душу во всех трех полях им было дано всего только две трети десятины (20 саж. на 80 саж.). Передел земли в этих селах не производится, и потому здесь нередко встречаются многосемейные дворы, у которых всего 1—2 душевых надела, а более молодые семьи, отделившиеся от старых, сидят совсем без земли. При таком страшном малоземелье вполне понятна та крепостническая зависимость, в которой находятся эти крестьяне от большой экономии Станкевича с ее 23 тысячами десят. земли. Нужно обладать особым расположением и благоволением экономии, чтобы получить небольшой клочок барской земли в аренду. До нынешнего года у Станкевича практиковалась такая система сдачи земли: крестьянин получал в аренду 1 десятину земли без денег и за это должен был обработать (т. е. вспахать, посеять и убрать хлеб) в пользу Станкевича одну десятину и 13 саж. на 80 саж., т. е. почти полторы десятины. И только тогда, в виде особой милости, он получает в аренду 1—2 десят. уже за деньги: по 8—10 руб. за десятину. Теперь, с поступлением нового управляющего, крестьяне должны обработать за каждую десятину только одну десятину в пользу помещика, но зато денежная арендная плата за каждую излишнюю десятину повышена до 12 руб. 50 коп. Таким образом, выходит, что для курлакских крестьян крепостное право не отменено: из каждых 6-ти дней в неделю они 3—4 дня должны быть заняты барской работой, и только остальное время они тратят на себя. И в прежнее время, при существовании крепостного права, помещик не мог заставлять своих крестьян работать на барщине более 3 дней в неделю.

А между тем, было время, когда курлакские крестьяне были вольные люди, все 23 тысячи десятин барской земли принадлежали только им, но в 1797 г. полумный русский император Павел I подарил крестьян и всю их землю своему любимцу Куселеву-Безбородко, который впоследствии продал за бесценок Станкевичам эту пожалованную землю. Считая, что они пожалованы были только на сто лет, крестьяне и требуют теперь у Станкевича возвращения 23 тысяч десятин земли, а правительство на это требование ответило им розгой и арестами... Стало-быть один император отдал курлакских крестьян в неволю, а теперь, с ведома другого, проливается крестьянская кровь... Приведем некоторые подробности, касающиеся самой экзекуции...

Первоначальный список крестьян, подлежащих экзекуции, был составлен уездным исправником Клокачевым *

* Клокачев раньше был полицеймейстером в Воронеже и сейчас состоит под судом. Вот его деяния: заставлял писцов полицейского управления расписываться в получении

а затем он был утвержден вице-губернатором Хвостовым. В качестве палачей были приглашены: урядник Алексей Иванов (живет в селе Щучье, Бобровского уезда) и городской Григорий Кошелев, при чем оба они были переодеты в штатское платье. Этим переодеванием начальство, очевидно, хотело избавить палачей от грозящей им народной мести, но палачи скоро были узнаны. При исполнении своих гнусных обязанностей особенным зверством отличился урядник Алексей Иванов; наоборот, Кошелев упорно отказывался от возлагаемого на него поручения и даже плакал.

По заявлению очевидцев, наказывали таловыми прутьями с плохо обрезанными сучками, и эти сучки причиняли страшную боль. Все наказываемые, кроме одного, громко стонали: у всех тело после первых ударов делалось черно-багровым, а у многих текла кровь. У несчастного Малахова было потом вынуто из тела его женою до 40 заноз. С некоторыми сделался во время экзекуции обморок, так что их подняли потом на руках. Как до экзекуции, так и после, никто не был осмотрен врачом, хотя перед началом экзекуции один офицер громко сказал, что по закону нужно предварительно всех осмотреть. Слова офицера произвели много замешательства, но стоявший возле вице-губернатора военный врач, Чериковер, ответил: «Нет, этого по закону не полагается», и протестующего офицера оттеснили подальше от толпы. Понес ли какую кару этот офицер за высказанное им участие, неизвестно, но только дознано, что один из офицеров потом 3 дня сидел в арестантской при Курлаковском волостном правлении. Во время экзекуции один из унтер-офицеров несколько раз говорил окружающим крестьянам, что солдаты стрелять в народ не станут. Сообщим кстати еще один характерный факт: когда офицеры ехали в Курлак по железной дороге из Воронежа, то двое подвыпивших офицеров подошли к вице-губернатору и сказали ему заплетаясь языком: «Ваше превосходительство, мы надеемся, что справедливость восторжествует благодаря гуманности, а не жестокости!».

На другой день после экзекуции, по просьбе крестьян, был отслужен молебен на том месте, где, как говорили крестьяне, «пролита была наша кровь». Начальство, видя в этой просьбе нечто вроде раскаяния, разрешило этот молебен, и только после спохватилось, что молебен «на месте пролитой крови» носил демонстративный характер.

Крестьяне до сих пор от притязаний на землю не отказываются, а предполагают весною пахать барскую землю.

Войска продолжают проживать в Курлаке на счет Станкевича, который устраивает в честь начальства роскошные пиршества. «Усмирители» (в особенности 17 человек офицеров) пьянствуют, целый день и ночь сидят за картами и развратничают.

Кроме уполномоченных, Я. И. Бараникова и Малахова, по распоряжению вице-губернатора еще арестованы уполномоченные села Верхо-Тышанки: Варнавский и 80-летний старик Петр Степанович Михеев. Последний долго был сначала волостным писарем, а потом крестьянским ходатаем; по распоряжению администрации он был уже в ссылке за подстрекательство крестьян к ведению процессов.

Дело курлакских крестьян теперь передано в руки судебных властей, по распоряжению которых восемь человек подвергнуты предварительному заключению в тюрьме. Таким образом, теперь арестовано всего двенадцать крестьян.

Недовольство крестьян все более увеличивается и захватывает все большее количество селений.

В селе Мартыне, получившем тоже нищенский надел, крестьяне требуют полного надела. В селе Старой-Тойде крестьяне требуют восстановления прежнего их права в'езда в лес Хренникова и т. д.

Воронежский губернатор Слепцов весьма недоволен спокойным поведением курлакских крестьян: ему хотелось

ни большей суммы, чем выдавал (напр., выдавал 20 руб., а писцы расписывались в 40 руб.). Полицейских и пожарных держал много меньше, чем значилось по его ведомостям, и полученную таким образом экономию клал себе в карман и т. д.

бы вызвать их на сопротивление, чтобы иметь возможность пустить в ход оружие. Губернатор говорил своим подчиненным: «Неужели вы не могли пожертвовать каким-нибудь урядником, чтобы устроить настоящую расправу?»...

В ХРОНИКУ «ЗУБАТОВЩИНЫ».

На московских собраниях рабочих гг. Слеповы, Красивские и К^о продолжают свою проповедь примирения рабочих с полицией. Громят «студентов» за их «безбожие» и т. п., уверяют, что «студенты» презирают рабочих и хотят их руками жар загребать, добиваясь конституции, которая-де совсем не нужна рабочим. Такие речи велись и 14 марта на районном собрании на Зацепе (председательствовал Жилкин). На районное собрание механических рабочих и ткачей 22 марта (на Бутырках) была принесена книга: «Почему я перестал быть революционером?» Л. Тихомирова. Председатель Соколов предлагал ее усиленно покупать. Он же читал статью «Московских Ведомостей»: «Низверженный кумир». «На Западе, — говорил он, — уже давно бросили социализм». Заметим от себя, что статья или, вернее, длинный ряд статей «Московских Ведомостей», под заглавием «Низверженный кумир», был посвящен главным образом изложению взглядов Бернштейна, который будто бы низвергнул кумир марксизма!! Вот в какой форме «пошла в народ» модная «критика марксизма»!..

Собрание 22 марта началось тем, что Соколов прочел из газет о покушении на жизнь Трепова и сказал «прочувствованное» слово о том, что буржуазия подкупила таких лиц, которые хотят убить друга рабочих. На молебен по случаю избавления от опасности этого «друга» тут же собрали с рабочих около 3 рублей. Особенно усердно ссылаются гг. Соколовы и другие зубатовцы на пример рабочих фабрики Мусси (см. № 19 «Искры»), — пример, доказывающий-де заботливость полиции о рабочих. «А вот на Мещеринской мануфактуре бунтовали и ничего не добились». (На самом деле мещеринские рабочие шесть раз подавали заявления, но безуспешно, и добились своего только борьбой, при чем громили склады красильщики, а ткачи только бастовали.) Об этом происшествии на фабрике Мусси нам сообщают такие подробности:

«Рабочие на шелковой фабрике Мусси предъявили представителю этой фабрики Гужону требование, чтобы он уплатил им все их убытки за прошлые года, насчитав всего 45 тысяч. Он им сказал, что с этим требованием они могут обратиться сначала к фабричному инспектору и, если он найдет их требования правильными, пусть подадут в суд. Рабочие заявили, что они прекращают работать, а Гужон заявил, что в таком случае он их всех увольняет с фабрики, и написал увольнение в расчетные книжки 1.200 ткачам. По правилам, в течение 2-х недель рабочие имеют право жить на фабрике и после увольнения. Гужон позволил им жить. Незадолго до истечения срока Гужон отправляет Трепову бумагу, приблизительно следующего содержания: „Рабочие предъявили ко мне ряд требований, из которых одни я исполнил, другие без суда исполнить отказался: так как они работать не желали, я уволил их с фабрики, предоставив им 2-недельный срок для прискания работы и квартир. Срок подходит к концу. Среди рабочих я замечаю волнение, по двору фабрики шмыгают какие-то темные личности с бумагами Охранного Отделения. Доводя обо всем этом до сведения в. п., имею честь предупредить, что за дальнейшее я слагаю с себя всякую ответственность“. — Внизу выноски: Копия с этой бумаги препровождается в министерство финансов.

«Трепов, говорят, сам явился на фабрику, наговорил Гужону дерзостей и грозил посадить его в тюрьму за беспорядочное содержание фабрики, если он не уплатит рабочим 45 тыс. Гужон твердо стоит на своем: уплату, если присудят по суду, а на дерзости пожаловался консулу. Полиция окончательно взяла рабочих под свое покровительство; Трепов выдал им 6.000 руб. Они наняли помещение для склада вещей, часть их уехала на родину, другие остались. Адвокаты предлагали третейский суд, но они отказались, сказавши, что они такого суда не знают».

Плоды «зубатовщины».

Нам пишут:

Как известно, московская администрация, в лице кн. Сергея и его присных, приняла сторону рабочих Гужона и других и требовали от хозяев удовлетворения их требований. После того, как жалобы отдельных капиталистов в Петербург не имели успеха, московская биржа послала Витте заявление, в котором говорит, что фабриканты принуждены будут закрыть фабрики, если дело не изменится. Они-де просят избавить их от полицейской опеки и от целой массы шпионов и провокаторов, которым они должны платить громадное жалование и которые только мешают работе.

Для улажения этих раздоров между полицией и капиталистами новый министр Плеве ездил в Москву.

Майский праздник в Варшаве.

Полиция начала готовиться ко дню Первого Мая гораздо раньше самих рабочих. Уже с ночи 3—4 апреля начались аресты и обыски среди польских и еврейских рабочих и интеллигентов, продолжавшиеся до 14 апреля. Сколько было сделано за это время обысков—сказать не могу, а арестовано около 200 человек. Большая часть арестов выпала на долю рабочих: революционная интеллигенция здесь незначительна. Вскоре после того были распространены по городу прокламации Польской Социалистической Партии, Польской Социал-Демократической Партии, Бунда и Комитетов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. С 10 числа стало распространяться в громадном количестве экземпляров приглашение на демонстрацию. Оно не только попало на фабрики и заводы, но в рабочих кварталах было разбросано и расклеено по улицам, а мальчишки даже прикалывали его к одежде прохожих. В виду крайне стесненного, благодаря кризису, положения рабочих, демонстрацию необходимо было назначить в воскресенье, чтобы избежать хотя бы и однодневной забастовки. Но следующее за 1 Мая воскресенье приходилось на 4 число, а в этот день предполагалась патриотическая демонстрация по случаю годовщины польской конституции (3 мая). Поэтому демонстрация и была назначена на 14 апреля по ст. ст., т. е. в самый день русской пасхи. В этот день администрацией были приняты самые энергичные меры: все общественные сады, выходящие на Уяздовскую аллею (предполагаемое место демонстрации), были закрыты для публики «по случаю ремонта» на всю неделю 14—21 апреля. Мокотовская застава, из-за которой вошли в город так удачно демонстрировавшие два года тому назад рабочие, была охраняема полицией, и за черту города из-за заставы решительно никого не пропускали; Прага точно также была отделена от города. На всех улицах, пересекающих Уяздовскую аллею, стояла полиция и казаки, и в аллею пропускали только «избранных»... После 6-ти часов вечера в число этих избранных попадали только военные.

Несмотря на все эти меры, незначительное, впрочем, число рабочих проникло на Уяздовскую аллею, в часть ее между площадью св. Александра и Бенкной улицей. В этом же месте собралась в значительном количестве и нерабочая публика—студенты, интеллигенты, гимназисты, женщины—сочувствовавшие демонстрации. Несмотря на постоянные убеждения высших полицейских чинов разойтись, несмотря на частые аресты отдельных лиц из числа собравшейся публики, несмотря на то, что среди нее ездили по-двое, по-трое казаки, безразлично, и по самой улице и по панели, и разгоняли публику нагайками,—публика не расходилась с 4 ч. до 7 ч. вечера. Лихачева (обер-полицмейстер), Зейферта (полицмейстер), Свиначского встречали свистками и криками. Около 7 час. вечера на толпу были направлены чел. 50 казаков в карьер, но почему-то, не доезжая до толпы, свернули в боковую Институтскую улицу и жестоко избili собравшуюся в ней небольшую толпу человек в 100. Вслед за ними уже прямо на толпу, собравшуюся на Уяздовской аллее, была направлена сотня казаков. Толпа, спасаясь, бросилась в кондитерскую и ресторан Версаль... Казаки окружили кондитерскую и пы-

тались верхом проникнуть на ее веранду, но были отбиты энергично защищавшимися чем попало осажденными. Казаки спешили, проникли в кондитерскую изнутри, и все бывшие там (около 250 чел.) были арестованы и отведены в кольцо из полиции и казаков в казармы Литовского полка. Остальную толпу стала теснить густая цепь полиции, расположившаяся во всю ширину улицы, и мало по малу вытеснила толпу из Уяздовской аллеи на площадь св. Александра. Здесь толпа собралась на паперти Александровского собора и не расходилась, несмотря на угрозы, до 9 час. вечера. Толпа требовала, чтобы казаки не смели входить на паперть и снимали перед собором шапки. В 9 час. вечера толпа разошлась, и тут на нее еще раз напали с нагайками казаки на углу улицы Новый Свет.

Часть рабочих собралась около 6 час. вечера на углу Иерусалимской аллеи и Маршалковской улицы, собираясь идти вместе на Уяздовскую аллею. Но здесь напала на них полиция и казаки и всех загнали в сад Ульриха (против Венского вокзала). Евреи рабочие в то же время собрались «за Железной Брамой» и пошли оттуда по Королевской улице, желая проникнуть на Новый Свет и Уяздовскую аллею. У угла Маршалковской улицы на них напали казаки и полиция и разогнали их; впрочем, нескольким их кучкам удалось дойти до памятника Мицкевича на Краковском предместье.

В общем демонстрация не удалась; толпа нигде не держалась стойко, нигде не давала значительного отпора полиции.

Весь день, до позднего вечера, по городу ездили усиленные патрули; а в прилежащих к местам происшествий улицах въезжали на тротуары и разгоняли собравшиеся толпы.

Поздно вечером всех арестованных за этот день (14 апреля) рассортировали: около 150—170 человек задержали, а остальных переписали и отпустили на свободу.

Всю пасхальную неделю Варшава была неспокойна. 18 числа снова были попытки устроить демонстрацию на улицах Новый Свет и Маршалковской. 21-го и 22-го опять были попытки устроить патриотические демонстрации (годовщина польской конституции) на тех же улицах. Все эти демонстрации очень быстро были рассеяны полицией и казаками, яростно пускавшими в ход нагайки. Так, напр., 22-го на Маршалковскую улицу потребовали после демонстрации 15 карет скорой медицинской помощи.

Во всяком случае неудачи этих дней нельзя приписать отсутствию солидарности и сознания своих интересов среди здешних рабочих. Следующий случай показывает, наоборот, как сильно эти качества развиты: в феврале месяце рабочие одного из небольших кожевенных заводов (около 200 чел.) устроили стачку с целью повысить свой заработок. Рассчитывая на огромное количество безработных, населяющих в настоящее время Варшаву (работы здесь везде сокращены почти на половину), хозяин рассчитал всех рабочих поголовно. Но безработные, которым он предложил работу, потребовали от него платы в 1½ раза больше той, которой добивались стачечники. Хозяин, понятно, уступил и принял назад своих прежних рабочих, вполне удовлетворив их требования.

В а р ш а в а, 25 апреля 1902 года.

* * *

В майской прокламации Центрального управления «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы» говорится, между прочим:

«Рабочие, товарищи! Никогда еще манифестация рабочего класса в день Первого Мая не имела такого значения в русском государстве, как в этом году. Наступило в высшей степени важное время, требующее от вас вполне сознательного отношения, всей энергии, всего богатейшего самоотвержения, доказательств которого вы дали уже так много. Ведь приближается великий, исторический момент, когда перед движением цивилизации и свободы рухнет дикий царский абсолютизм. Ведь русский рабочий класс принял в том году настоящее революционное крещение и все в больших и больших массах вступает в борьбу с нашим общим врагом — царским правительством...»

«В нынешнем году в России мы являемся свидетелями начала великой русской рабочей революции, которая должна сперва покончить с деспотическим правительством, чтобы иметь возможность потом справиться с капиталистическим строем. Весь цивилизованный мир удивляется теперь героизму русских рабочих и революционеров и ожидает их победы.

«Польские рабочие! В России наступает революция — и вы должны принять участие в этой революции, направленной против правительства, которое является и вашим правительством, в этой революции против дикости, которая свирепствует и над вами, против гнета, который и вас держит в оковах! Борьба русских рабочих должна быть и вашей борьбой, так как дело русских рабочих и ваше дело!..

«Польские рабочие! Вы знаете кто ваш враг и кто ваш брат. Ваш враг — царский абсолютизм и польско-русский класс капиталистов. Ваш брат — русский революционный рабочий класс. И как всегда, так и в этом году, вы пойдете на майскую манифестацию, помня о том, что там, где общий враг, — там и общий лозунг: „Да здравствует конституция! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует социализм!“».

Напротив того, в прокламации Центрального Комитета «Польской Социалистической Партии» нет ни слова о борьбе русских рабочих, а призыв польских рабочих к политической борьбе выражен словами: «долой иго завоевателей» (*Prez z najazdem*).

Из Вильны:

«В день 1 Мая с утра все дворники дежурили у ворот с дубинками в руках. На каждом перекрестке в наиболее оживленных центрах, кроме городских, стояли также и околоточные надзиратели. Вообще весь город в этот день принял какой-то особый вид: не то праздничный, не то рабочий — словом, каждый как бы ждал чего-то. Интересно было наблюдать за прохожими в этот день: всякий ходил, как бы озираясь по сторонам; тихого и мирного обывателя, повидимому, сильно смущало обилие церберов и столь неожиданная бдительность полицейских.

«В 5½ часов вечера Валь впереди полустотни казаков влезал осматривать „позиции“. Проехав Большую и Немецкую и найдя все спокойным, тут же отдал несколько распоряжений приставам и уехал. Демонстрация назначена была в 8 часов на Немецкой улице; но в виду того, что город был терроризован раз'езжавшими казаками, многие думали, что в этот день ничего уже не произойдет; тем не менее к 7 часам стало собираться много народу.

«Отправившись по Большой в Пушкинский сквер и прогуляв там несколько раз по главной аллее, я к 8 часам двинулся обратно на Большую. В сквере было сравнительно мало гуляющих, но на Большой тротуары положительно запружены народом. Главное — масса военщины и чиновников всевозможных ведомств. Полицейстер проезжал несколько раз по Большой и останавливался у сквера, но ничего пока еще не произошло. Дойдя до почты, я направился по Благовещенской, чтобы оттуда выйти как раз вовремя на Немецкую. Выйдя на Немецкую, я положительно был изумлен: все окна домов были раскрыты, балконы положительно черны от стоявшей на них публики. Но вот наступает 8½ час. вечера. Полицейстер приказывает запереть все магазины. На улице показываются отдельные патрули (кроме полицейских). Около Малого театра выстраиваются человек 70 казаков, а за ними пехота. Пристава снуют и как будто разыскивают кого-то.

«Вдруг из Еврейской улицы выскакивают 3 смельчака. Один с красным фонарем кричит: „Долой самодержавие, да здравствует свобода!“».

«Но в ту же минуту на него набросилось несколько башибузуков: он был сбит с ног и в буквальном смысле истерзан. Это послужило сигналом. Из толпы стали выходить лица с красными флагами. Они моментально были схвачены и избиты, а затем отправлены в полицию. Одного из них убили: это столяр-еврей; когда его привезли в гос-

питаль Савич, он скончался. Вслед за этим из толпы стали выхватывать отдельных личностей или просто рубили с плеча.

«В тот же вечер в городском театре шла „Родина“. В середине второго действия посыпались сверху в публику разноцветные бумажки и прокламации с надписями: «Поздравляем народ с праздником 1 Мая». Публика оживленно стала собирать падавшие сверху билетки себе на память. Валь был также в театре, и к нему в ложу также попало несколько таких „штучек“. Через несколько минут раек уж был оцеплен, и забрали человек 35.

«На следующий день к тем, которые были арестованы на улице, применяли телесное наказание. Это вполне достоверный факт, и это практиковалось не только у нас, но и в Ковне и в Витебске. Те, которых арестовали в театре, сидят еще и теперь в полиции, хотя некоторых уже выпустили, но по всей вероятности их скоро всех освободят, так как на квартирах ничего не нашли. Общество сильно взбудоражено, особенно тем, что было применено телесное наказание, — этим возмущены все. Вообще поводов к недовольству полицией за этот день было много.

«Возбуждение в городе сильное. В общем при тех мерах, которые принял местный сатрап, демонстрацию можно считать удавшейся».

* * *

Ниже читатель найдет сообщение о не менее возмутительном истязании рабочих в Воткинском заводе. Режим массового применения розги, сменявший собой режим массового применения казацкой нагайки, одновременно проявился на западе, на востоке и на юге России, среди великорусского, малорусского и еврейского населения...

Вполне достойным и при данных условиях неизбежным ответом явилось произведенное 5 мая покушение на жизнь фон-Валя. Радостное чувство сознания, что беспримерное правительственное преступление не осталось безнаказанным, омрачается у нас только сожалением, что покушение не вполне удачно. Смелый мститель — Гирш Лекерт — предан военному суду.

По поводу нового подвига фон-Валя 4 виленские социалистические организации издали прекрасно написанную прокламацию, в которой разоблачают имена всех негодяев, участвовавших в позорной расправе. По поводу же покушения на фон-Валя царь прислал «мученику» розги сочувственную телеграмму. Цинизм коронованного идиота уже не может удивлять кого бы то ни было.

Нижегородский Комитет сообщает следующие сведения о майской демонстрации в Сормове:

«Товарищи! Все только и говорят о том, что произошло в Сормове 1 мая. Что же произошло там? Дадим себе отчет в случившемся и постараемся извлечь из него урок на будущее время. Много недовольства накопилось в душе рабочих и не раз это недовольство прорывалось наружу в беспорядках и разгромах. И на этот раз дело не обошлось без разгрома. В 5 час. вечера толпа рабочих направилась к заводской конторе и уничтожила там разные бумаги. То же произошло и в канцелярии пристава. Но вскоре на место происшествия явилась толпа сознательных рабочих. „Что вы делаете,—говорили они,—разгромом заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтожения теперешнего несправедливого порядка“. Толпа послушалась увещаний. После этого, сплотившись толпой, сознательные товарищи направились по Большой улице с пением революционных песен и с красными знаменами, на которых были выставлены требования рабочих: Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день!

«Народ сплошной толпой стоял по обе стороны улицы. Вид демонстрации так действовал на нее, что некоторые, слыша стройное пение, не могли удерживаться от слез. Были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли к ним и затем, повернувшись назад, продолжали свое

шествие. Солдаты бросились за ними и начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочие должны были уступить. Только один товарищ остался до конца, не выпуская из рук знамени. „Я не трус, и не побегу“, крикнул он, высоко поднимая знамя, и все могли прочесть на нем грозные слова: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!“.

«Товарищи! Кто из вас не преклонится перед мужеством этого человека, который один, не боясь солдатских штыков, твердо остался на своем посту. Мы никогда не забудем его примера, товарищи! И пусть все твердо запомнят те слова, что стояли на знамени. Пример его возбуждает в нас горячее неудержимое желание до конца бороться за свободу. Выставим вновь наши требования и пропоем свои песни о свободе и мы твердо верим, что к будущей демонстрации присоединится большая часть рабочих. Итак, будем бороться до конца!»

«А пока предлагаем вам, товарищи, делать сборы в пользу арестованных, пострадавших за наше общее дело.»

Нижегородский Комитет
Российск. Соц.-Демокр. Рабочей Партии».

В самом Нижнем были 2 попытки устроить демонстрацию — обе неудачны.

Екатеринослав. В прошлый раз* мы пытались охарактеризовать вам тот специфический местный колорит, в какой окрасился у нас всероссийский усиленно-охранный режим, мы пытались показать вам, как целое население большого цветущего города очутилось беззащитным на большой дороге, где всякое отребье в видимом или невидимом полицейском мундире, неожиданно оглушая вас кистенем, вас же волочит потом в чашу-тюрьму за нарушение порядка на этой большой дороге. В этом местном колорите, вполне отражающем общий колорит современной российской действительности, недоставало, однако, одного мазка.

То был наш период до-демонстрационный, а в декабре у нас имела место первая открытая демонстрация, и тут наши местные рыцари самодержавного кистеня, с нашим сиятельным губернатором во главе, уже воочию и, так сказать, всенародно показали и показывают, что, собственно, на языке самодержавия называется охранением «порядка» и восстановлением «порядка».

Прежде всего, солдат, отправляемых на храбрый подвиг, нашли нужным подкрепить с двух сторон, согласно двойной природе человека: с одной стороны, духовно — при содействии напутственной речи из богобоязных уст православного попа, а, с другой, материально, при содействии солидной чарки водки из царского кабака.

С своей стороны сиятельный губернатор нашел нужным личным примером поддержать бодрость своих пеших и конных молодцов: в его сиятельных руках гарцовала нагайка, ничем не отличавшаяся от нагаек «молодцов», и большая публика воочию убедилась в том кровном родстве, которое существует между нагайкой и короной, будет ли то корона графская или царская.

Подготовительные работы были закончены, и все приступили к делу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантов, как это обыкновенно и бывает в первый момент, не было. По бульвару проспекта, против губернаторского дома, как и по смежным бульварам, в неопределенном, но инстинктивно-напряженном состоянии ходила взад и вперед большая толпа людей, в которой, помимо демонстрантов, полудемонстрантов и всякого рода робко сочувствующих, было много людей, которых просто-напросто заинтересовало это скопление солдат и городовых с губернаторской нагайкой во главе. Когда раздалось требование очистить бульвары, затерроризованные обыватели сейчас же, конечно, поспешили убраться. Но демонстранты и так или иначе примыкающие элементы, инстинктивно сомкнувшись теснее, не обратили внимания на это требование. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а уж потом раздался многоголосый боевой клич «долой самодержавие!», при

чем над головами толпы развернулось несколько знамен, или же дело происходило в обратном порядке, — установить было трудно. Во всяком случае, знак был подан, и среди белого дня ночная сцена на большой дороге началась. Очевидно, по предварительным наставлениям прежде всего оглушали студентов: бросится несколько царских мясников на студента, оглушат его в восемь-десять кулаков и выволакивают за пределы бульвара, где лишь начинается настоящая бойня. Поднимаются вопли терзаемых; толпа, охваченная ужасом, бежит с криками: «убили!», но в беспамятстве бежит как раз в ту сторону, где действуют рассвирепевшие мясники, и получает свою долю прикладов, кулаков или нагаек, не будучи, однако, задерживаема. Но вот в этой же толпе показывается студент: его оглушают и начинают терзать. Вдруг раздается нечеловеческий визг какой-то женщины. Убегающая толпа, с расширенными от двойного ужаса зрачками, набегу же озирается назад и видит какую-то бегущую барышню со скрепленными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая рассекла теплую кофточку, платье, корсет и рубашку, оставив кровавый след на всю грудь*. Как и все ночные сцены на большой дороге, длящиеся для оглушенного путника целую вечность, все это было делом каких-нибудь 15—20 минут. Истерзанных и изувеченных царские разбойники уволокли в чашу-тюрьму, проспект обезлюдел, и «порядок» был «восстановлен».

В городе тотчас же установилось убеждение, что несколько студентов убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полноте бойню, о которой мы могли сказать только несколько слов, то вы поймете, что это убеждение должно было показаться всем полной достоверностью. К счастью, это оказалось не так. Даже наиболее зверски истерзанного и бездыханно уложенного на тюремную койку студента Каргина привели в чувство (правда, после невероятных усилий) три врача, которых Келлер тотчас же прислал к избитым в тюремную больничную камеру. Через неделю его, как и многих других, выпустили, а недели через три он совершенно оправился.

Одержав эту блестящую победу, храбрый генерал посылал в Петербург за Георгием, а тем временем в Екатеринослав присланы были две сотни кубанских казаков (где же тут, подумайте, справиться собственными силами?), которых от времени до времени стали «проминать» по всем улицам города, в рабочих слободках и на виду всех заводов: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда-то вынырнула огромная масса ночных сторожей, которых снабдили дубинами в человеческий рост и которым вменено было неукоснительно хватать всякого «подозрительного» прохожего: это ночное по-скифски организованное войско охраняет стены, заборы и просто мостовую от моря прокламаций и воззваний, циркулирующих как в городе, так и в рабочих кварталах. Один-два примера покажут вам, как действует эта ночная народная милиция.

В один прекрасный день канцелярская мелюзга материальной службы Екат. жел. дор. была поражена необыкновенным случаем: пробило десять часов, а одного из их сослуживцев все нет как нет, между тем как всем известно, что он приходил чуть ли не в восемь и даже праздничные дни он, зверски скучая дома, за своим правленским перышком проводит на своем месте в управлении. Никому, конечно, и в голову не могло прийти, что в жизнь этого бедного Акакия Акакиевича ворвалась усиленно-охранная волна, а между тем, дело так именно и обстояло. Вышел себе вечером сей Акакий Акакиевич погулять по проспекту и, охваченный быстрой пульсацией проспектной жизни, решил себе пир на оба пятиалтынных, которые имелись у него в кармане. Купил себе у Метцгера полфунта колбасы, купил в кондитерской вкусных пирожков, дал и царю поторговать за осьмушку и, наперед предвкушая столь редкие в его жизни лукулловские наслаждения, направился домой, в одну из окраинных улиц города (Короткая). Случаю угодно было, чтобы несовершенство человеческой организации вынудило его

* Впоследствии выяснилось, что это француженка, невеста одного из студентов, которого оглушили и начали терзать. Храбрая француженка было бросилась спасать своего жениха, но ее зверски хватили нагайкой и, наступая на нее верхами, заставил бежать.

* См. номер 12 «Искры».

остановиться у одного из заборов своей улицы. Моментально его шиворот очутился в чьих-то дюжих руках, перед его смертельно испуганными глазами выросла огромная дубина, а в оглушенных ушах раздался свирепый оклик: «что делаешь?». Как ни ошалел бедняга, как ни давил его шею стяннутый шиворот, он все же сообразил, что это не босяк с пристани, а босяк из ночной царской охраны. На раздавшийся свисток моментально прискакал городской, и мнимого расклеивателя прокламаций поволокли на участок, где, снабдив его шею на ночь парой здоровенных, чисто царских «лещей», его самого бросили в какую-то затхлую яму. Весь следующий день он отлеживал свой испуг дома, и вот почему его место в канцелярии так уныло и так непривычно пустовало в этот день.

А вот шнырял босяк по пристани целый день, ничего не промыслил и, не солоно хлебавши, направился вечером в ночлежный дом. Вдруг он увидел на мостовой белеющий лист бумаги, очевидно, кем-то утерянный. Поднял босяк бумагу и поднес к ближайшему фонарю: бумага не грязная, и даже пыли на ней нет. И вот он вынул из-за пазухи свой полусклоченный паспорт, тщательно укутал его поднятой бумагой и ехидно думает себе: ну, теперь «идолы» при обмене паспорта уж не станут глумиться над ним, что, мол, достается, видно, на пристани не только его шее, но и его паспорту, что он всегда в двадцати клочках. Но не успел он еще вызвать в своем воображении «идолов», которых он собирался оставить в дураках, как два действительных идола оглушили его буквально тем же манером, как и правленского Акакия Акакиевича. «Вашскоброд» докладывают в участке дежурному надзирателю царские ястребы: «вот... листки... бросает!». Босяка обыскивают, и оказывается, что паспорт заворочен в прокламацию. «Тр-р-рах! Тр-р-рах! Тр-р-рах!» Поблагословили, бросили в яму, а на другое утро предали жандармам в тюрьму*. Дело длилось целую неделю, абсолютно безграмотного босяка терзали, терзали, пока, наконец, и Дело увидел, что на сей раз российское самодержавие вне опасности. Так чем же вы тут не ночью в темном лесу под ежеминутными взмахами кистеня?

В Петербурге Келлер за свое декабрьское геройство получил, как и следовало ожидать, личную царскую благодарность и поощрение; но, вернувшись к своему посту, узнал, между прочим, что в научном обществе против него составился комплот. Нашлась там группа, которая задумала освободить общество от его почетного председательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитет, с молодым, но экзотически ранним, профессором химии (он же инспектор студентов) Куриловым во главе. «Посмотрим», сказал Келлер, и в ближайшем заседании общества наука имела наслаждение увидеть в своей тихой пристани не только его самого, но и почувствовавших неодолимую жажду напиться из ее светлого источника приставов и околотовных. Комплот, конечно, умер от аполексического удара.

Приближалось 19 февраля. В воздухе и в прокламациях опять запахло демонстрацией, и Келлер довольно быстро стал вводить что-то вроде осадного положения. Казаков уже «проминали» раза по два-три в день, а рабочих все туже и туже стали держать в их рабочем гетто, ставя им всяческие препятствия проникнуть в город. Когда же он вдруг узнал, что демонстрация придвинута на 17 число, то он уже поступил совсем по военному времени. 16 числа из Нижне-Днепровска через Днепровский мост пропускали в город только женщин на базар, а сухопутную границу (со стороны Брянского и других заводов) совсем заперли конной и пешей полицией. Впрочем, кое-кто из нижнеднепровских рабочих напали на счастливую мысль: оделись бабами и проникли таки в город. Полиция узнала об этом и 17 утром стала пропускать на базар баб только после самого бесцеремонного «ощупывания». Тогда рабочие решили попытать счастья на лодках. Моментально появился крейсирующий пароходик, с бортов которого полиция объявила, что она немедленно и даже без второго окрика пустит ко дну каждую лодку, которая осмелится выехать на реку.

* Там он и рассказав свою напасть нашим товарищам, в камеру которых он попал.

Прибавьте к этому, что с 16 на 17 число Дело арестовал в городе массу публики, и вы поймете, что, действительно, происходившие 17-го и 18-го демонстрации были до крайности урезаны. Не обошлось без бойни и эти дни, но в памяти еще слишком жива была декабрьская бойня, чтобы обратить особое внимание на новую. Тем удачнее прошла демонстрация в прилегающей к Брянскому заводу слободе, которая тоже отрезана была Келлером от города. Здесь ряды рабочих со знаменами, приготовленными для шествия по городу, стройно прошли при криках «Долой самодержавие!» перед самым носом ошарашенной, но немногочисленной полиции, — прошли по всем четырем Чечеловкам (улицы) и к ним беспрепятственно присоединились выбегавшие из своих квартир рабочие и даже их жены.

После 17-го и 18-го город уже очутился в настоящем осадном положении. Повсюду пешая и конная полиция, которая угрожает нагайкой даже детям, собравшимся в кучку поиграть, и те бегут, куда глаза глядят. Куда вы ни оглянетесь, перед вами, словно из-под земли, какие-то полуоборванные, с совершенно дикими лицами и с нагайками за поясом кубанцы, способные вызвать в вас кошмар нашествия фиджийцев. Так и кажется, что вот-вот раздастся: «в нагайки!» и эти фиджийцы не оставят кости на косте. Перед воротами двора губернского правления (в центре проспекта) и в самом дворе стоит кучками батальон солдат с боевыми сумками, а в глубине двора грозно торчат штыки поставленных в козлы ружей. Бульвары, обыкновенно с шести часов вечера кишашие беззаботной публикой, теперь в этот же час мертвенно пусты, а люди, нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить их нагайку, пробираются по тротуарам и, кажется, только и думают о том, как бы поскорей добраться до дому. И в таком тягостно-напряженном состоянии держали город всю масляную неделю.

А в это время непрерывно переливается волна обысков и арестов, при чем даже знаменитой лапласовской голове вряд ли бы понятны были хотя бы самые элементарные их основания; разве только остановиться на принципе «чрез десятого»...

Если верно, что для плохого правительства самый плохой момент наступает тогда, когда оно начинает исправляться (а «сердечное» исправление Ванновского ведь лишний раз подтвердило эту истину), то лучшим ли для него является момент, когда наряду со жгучим негодованием оно вызывает и невольный смех? Поживем — увидим

Город Кременчуг вполне оправдывает на себе известный афоризм Маркса: «Мы страдаем не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития». Крупное производство здесь мало развито, и преобладающей формой промышленности является ремесло, если же и имеются фабрики, то по условиям производства и господствующим на них формам эксплуатации труда, они мало отличаются от ремесленных заведений. Здесь можно встретить фабрики, на которых рабочий день продолжается 14—15 час. в сутки, заработная плата крайне низка. В виде исключения можно упомянуть о некоторых табачных фабриках, лесопилках, чугуно-литейных заводах, железнодорожном депо и паровозостроительном заводе в посаде Крюкове, капиталистический характер которых обнаруживается гораздо более резкими чертами. До самого последнего времени местное рабочее движение ограничивалось почти исключительно ремесленным слоем населения, преимущественно евреями, и внешними проявлениями хроника здешней борьбы не была богата; изредка на фоне серой действительности появлялась прокламация или возникала мелкая стачка, что несколько нарушало мирный сон обывателей и тревожило покой наших церберов, которые, как бы спросонья, начинали метаться из стороны в сторону, производить повальные обыски, арестовывать ни в чем неповинных людей, не брезгуя даже детьми.

Переживаемый в настоящее время Россией революционный Sturm und Drang (буря и натиск) отразился и на нашем движении. За последнее время среди здешних рабочих, как ремесл, так и фабрик, заметен под'ем революцион-

ного духа и развитие политического самосознания; движение мало-по-малу начинает охватывать широкие круги фабричных и заводских рабочих, насчитывающих в своих рядах немало русских; спрос на легальную и нелегальную литературу растет очень быстро; с особенным интересом читаются «Искра» и «Южный Рабочий», всякие сведения о происходящих в последнее время демонстрациях схватываются на лету и с необычайным энтузиазмом передаются друг другу.

Местное общество также начинает обнаруживать некоторый интерес и сочувствие к революционному движению. Так, напр., разосланные здешним Комитетом печатные прокламации «К обществу» Харьковского Комитета произвели большое впечатление; несколько дней после этого только и разговору было, что о них. В некоторые общественные учреждения (городскую управу, земскую больницу) явилась полиция и потребовала у некоторых служащих (членов управы, врачей) выдачи прокламации. Многие отказались это сделать, хотя некоторые и вернули ее.

Незадолго до 19 февраля по городу разнеслись слухи о предполагающейся будто бы демонстрации; многие обыватели представляли себе последнюю не иначе, как в виде бунта или еврейского погрома, и потому в этот день опасались появляться на улице, пускать детей своих в школы и гимназии; возбуждение росло по мере того, как становилось известным, что для предупреждения или подавления демонстрации полицией предпринимаются чрезвычайные меры; действительно, войскам заранее были розданы боевые патроны, в некоторых казармах офицеры раз'ясняли солдатам как стрелять в толпу; в день 19 февраля в разных концах города были спрятаны отряды солдат; по городу вплоть до конца масляницы ходили патрули, главные улицы были сплошь усеяны полицейскими и шпионами; мост, соединяющий Кременчуг с Крюковым, был оцеплен солдатами и сообщение прервано. Население было крайне взволновано, и, казалось, недоставало лишь искры, чтобы вспыхнуло пламя... Тем не менее Комитет считал преждевременным вызывать рабочих на демонстрацию, так как в силу недостаточных связей с заводскими рабочими она могла носить неорганизованный характер и, принимая во внимание низкий уровень развития большинства рабочих и отсутствие интеллигенции, могла легко принять нежелательный характер бунта или погрома. В этот день были лишь распространены прокламации Центр. Комитета объедин. организ. юга России и различного содержания листки. Понятно, полиция после этого удвоила свою бдительность и стала всюду искать крамолу. Так, недавно она с шумом и треском накрыла несколько невинных вечеринок, носивших исключительно танцевально-увеселительный характер, при чем на одной были переписаны все присутствовавшие на ней, главным образом, гимназистки 6—7 класса; что касается другой облавы, то ее история такова: по случаю еврейского праздника «Пурим» дети подростки (12—16 лет) ставили в частном доме пьесу Шиллера «Разбойники». Перед самым началом спектакля врывается полиция в необыкновенном количестве (2 пристава с помощниками и 6 полицейскими, а к концу и сам полицеймейстер), обыскивают всех, в виде вещественных доказательств отбирают декорации, оружие, костюмы, деньги и т. д. Двоих из участников конвой полицейских ведет в участок, где их задерживают на сутки. На следующий день в участке собирается грозный судейский трибунал из всех кременчугских держиморд, во главе с полицмейстером, туда же призываются все дети, которые подвергнутся допросу от 4 час. дня до 12 час. ночи; полицию крайне смущает название пьесы («Разбойники») и найденное у артистов (правда, деревянное) оружие: очевидно дети являются агентами какой-то революционной партии, и к этому сводится весь допрос: полиция то ласками, то угрозами требует у детей назвать эту партию. Некоторые дети плачут, но большинство держится с сознанием собственного достоинства; так, напр., когда полиция врывается в «театр» и пристав обращается к «артистам» с вопросом, кто из них главный участник, один карапуз выступает вперед и мужественно восклицает: «Берите меня: я участник!». Во время допроса пристав предлагает одной гимназистке назвать ему фамилии всех ее товарищ-социалистов, обещая в награду за это потушить дело о спектакле. Чем кончится

весь этот фарс, неизвестно. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

13 марта по городу были распространены в количестве 1.200 экзempl. прокламации: «Ко всем рабочим и работницам Кременчуга и Крюкова», боевого политического характера, в которых были выставлены требования свободы слова, печати, собраний, гарантии неприкосновенности личности и созыва народных представителей в парламент. Прокламации произвели довольно сильное впечатление на рабочих; к сожалению, значительная их часть попала в руки полиции. Недавно здесь произошла стачка портных (18 чел.), окончившаяся полной победой рабочих.

Профессорские нравы.

(Корресп. из Киева.)

«Профессора—не сало для мышеловок!»—за эту точную, как математическая формула, фразу получил в министерстве нагоняй киевский профессор физики Шиллер. Однако, этот точный в пределах своей науки профессор и его почтенные коллеги с большим правом могли бы выставить лозунгом своей деятельности за текущий семестр формулу: «профессора — сало для мышеловок». Что заставляло их, в самом деле, читать во что бы то ни стало лекции и всеми силами содействовать сыску?

Поездка в Петербург трех профессоров — «делегатов» воочию доказала вздорность каких-либо надежд на «реформы Ванновского». Мечты киевских профессоров об «особом совещании» министра с представителями всех университетов, надежды их на «профессорский съезд» разлетелись, как дым, перед суровой действительностью: вызваны были профессора только из Киева, при чем двое из них для выговора за их несогласие с товарищем министра (теперь министром) Зенгером, сторонником политики мышеловок. Министр на все заявления о необходимости автономии университета неуклонно отвечал, что он — против автономии * и считает необходимым замещать должность ректора по назначению: вся причина упорства беспорядков заключается де в его — министра, неосведомленности и отсутствии у него энергичных сотрудников в учебной администрации. На замечание профессора, князя Трубецкого, что автономия только в том случае будет действительным средством против студенческих беспорядков, если административные власти будут лишены возможности вторгаться в университетскую жизнь, министр заявил, что все полицейские меры предпринимаются лишь с его согласия; ответом на это заявление послужил приезд через 2 дня из Москвы того же князя Трубецкого с братом его — профессором Московского университета, который, к изумлению генерала, рассказал ему, как накануне их отъезда увезено из Москвы по направлению к Вятке 2 вагона с запертыми в них 60-ю студентами. Какие безобразия учиняет в том императорском заведении, которое называется университетом, сам министр, какие — жандармерия, трудно разоб-
раться.

Во всяком случае поездка профессоров имела два осязательных результата: 1) для них вполне выяснилось, что обещания коренной реформы с опросом в летние месяцы прошлого года советов всех университетов — политический обман; 2) профессора Киевского университета получили право решать вопрос о закрытии университета. Но профессора не захотели, закрывши университет, присоединиться к требованиям студенчества. Они затеяли подлую травлю своих более честных учеников и добились того, что университет закрыт только наполовину.

Университет по решениям совета в течение февраля и половины марта открывался и закрывался, занятия не шли. Профессора с помощью инспекции вылавливали обструкцию, всячески препятствуя выражению общего

* Профессор Сикорский, известный тип хамелеона, сравнивал перед студентами опрос советов и «реформу» Ванновского с историческим лечением Алексея Михайловича, когда опрашивали многих врачей, а затем их писанные мнения передавали думным боярам, которые, уставя брады свои, и назначили лечение по-своему.

мнения. Профессора политехнического института за их открытый, математически точный образ действий, основанный на подсчете студенческого большинства, признанного теперь даже «временными правилами», подвергались не меньшей травле со стороны своих университетских коллег, чем студенты. Студентов после закрытия университета выпускали только по билетам постепенно, начиная со старших курсов. Массовое действие было невозможно, и в это время инспекция ловила более смелых единичных забастовщиков. Так, стараниями гг. профессоров в разное время уволено около 100 студентов, часть которых, кроме того, попала в тюрьму за обструкцию.

Университет был закрыт 5 февраля, 4 марта открыт и в тот же день закрыт; затем — открыт 7-го, чтобы после энергичной обструкции ворвавшейся без билетов с песнями толпы студентов быть закрытым с 9 по 18 марта. Профессора решили тут на дикую массовую меру, — исключить все первые курсы — около 600 человек, без опроса их, без подсчета даже большинства, хотя бы курсовыми сходками. Для вторых курсов университет закрыт до осени. Нечего и говорить, что теперь лекции шли лишь соединенными силами «оппозиции», собравшейся «из принципа» со всех факультетов на какую-нибудь лекцию. В течение недели слишком с 18 марта университет оцеплялся полицией, на парадной лестнице науколюбивых юношей встречали толпы шпионов-педелей, контролировавших билеты; на площади, как на параде, дефилировали колонны городских (наряда 3—4 по 80 чел.) с десятками околоточных, прогуливались казачьи офицеры, сотни которых спрятались по соседним дворам. Сам полицмейстер с помощниками мобилизовали силы. Тротуары полны были студентами, освистывавшими шедших на лекции профессоров. Некоторые из последних (г. Челпанов) уходили из «храма науки» задворками. Большинство старших курсов (юристы 4-го, медики 3-го и 4-го, естественники 4-го) решили прекратить занятия, некоторые из них проводили свое решение обструкцией, но энергия «добронравной» оппозиции и гг. профессоров привела к тому, что на старших курсах теперь уже, к самому концу учебного года, лекции идут. Так, на одном курсе поднят был четырьмя студентами вопрос о забастовке, тою же ночью трое из них арестованы — «по поклепу их же коллег», как объяснил жандармский офицер. Г. Морозов, один из «порядочных» до сих пор в Киеве профессоров, увел на-днях меньшинство 3-го курса медиков от обструкции большинства и заперся с ним в другой аудитории на ключ; тем временем забастовщиков переписали. Вполне оправдалась, отныне не менее знаменитая, чем сам проф. Сикорский, фраза его: «Пусть в университете останется 25 студентов, а все-таки наука будет процветать!!» Надо было слышать подленький, хамский смех, которым сопровождалось это изречение киевского науколюбца, председательствующего в попечительстве о немущих студентах и участвующего во многих местных филантропических обществах. Много подобных образцов фарисейского цинизма можно было бы привести для характеристики профессорских нравов. Вот какими правдивыми и сильными словами характеризуют своих наставников сами студенты: (см. прокламацию Киевского Союзного Совета от 26 марта). Обрисовав тип студента — Молчалина и карьериста, вполне определившийся в студенческой среде, Киевский Союзный Совет восклицает: «И в эту-то трудную минуту, переживаемую студенчеством, профессора только разжигают дикие страсти, вызывают низменные инстинкты. Люди изгоняются сотнями из университетов, томятся в тюрьмах, ссылаются в Сибирь, а наши наставники, нравственный облик которых должен быть примером для подражания, идут читать лекции в зловонные (от вонючих газов) аудитории. К рабам можно относиться с состраданием, но лакей вызывает презрение. Ваш же поступок вполне лакейский: подвергаясь оскорблениям, вы имели бы вполне основательные причины не читать лекций и не вызывать новых жертв. Вы же предпочли под охраной нагаек просвещать своих достойных питомцев. Вы трусливо забегаете вперед и падаете ниц перед правительством, осквернившим себя кровью замученных жертв. Вы закрываете и открываете университет, чтобы парализовать наши силы, вы играете с нами в кошку и мышку, изобретаете различные шахматные ходы, чтобы дать нам мат. Те подленькие чувства, ко-

торые дремали бы на дне души многих студентов из оппозиции, вы вызываете к жизни, облачаете в плоть и кровь. Вы производите провокаторов и шпионов среди студенчества, развиваете самые дурные чувства и, если нравственный уровень части студенчества понизился и понижается, то в этом виноваты вы. Во что обратился университет? В полицейский застенок, в отделение жандармского управления. Там больше шпионят и провокаторствуют, чем занимаются. Товарищ хватает за борт товарища, отнимает у него билет. Самое деятельное участие в университетской жизни принимают теперь субинспектора и педеля, и ваши лекции служат шпионским целям *, чтобы можно было выловить обструкционистов и отличить благонаправленных. И после этого вы смеете говорить о чистоте науки! Наука, защищаемая штыками, покупаемая ценою массовых увольнений, развивающая предательство, такая наука — чистая, святая!.. Прежде, чем учить нас о том, что наука должна быть свободна от политики, — освободите вы сами науку от вашей политики, — политики преступления, позора и предательства, освободите себя от мелких побуждений, от рабских чувств, от полицейских инстинктов, ничего общего ни с чистотой, ни с наукой не имеющих».

Рвение гг. профессоров на почве умиротворения студентов путем их полицейской фильтрации и политического развращения объясняется словами проф. Сикорского, произнесенными так же, как и предыдущие, публично и заслуживающие того, чтобы быть опубликованными. Признавая вместе с проф. Морозовым, что — «временные правила» Ванновского — «шаг назад», и вместе с тем навязывая их студенчеству, он сказал:

— Недовольство навевается на вас извне агитаторами. Социализм, как сифилис, губит многих молодых людей...

Лучших слуг, чем киевские профессора, нашему дикому, тупому самовластью, — не надо.

Академия Наук и М. Горький.

Нам прислан следующий интересный документ:

«А. Н. Веселовскому (председателю II отд. Академии Наук.)

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич!

«В конце прошлого года я получил приглашение участвовать в выборах по Отдел. русского языка и словесности, и Разряду изящной словесности и, следуя этому приглашению, подал свой голос, между другими, и за А. М. Пешкова (Горького), который был избран и, как мне известно, получил обычное в таких случаях извещение о выборе.

«Затем в „Правительственном Вестнике“ и всех русских газетах напечатано объявление „От Академии Наук“, в котором сообщалось, что, выбирая А. М. Пешкова — Горького, мы не знали о факте его привлечения к дознанию по 1035 ст. и, узнав об этом, как бы признаем (сами) выборы недействительными.

«Мне кажется, что, участвуя в выборах, я имел право быть приглашенным также к обсуждению вопроса об их отмене, если эта отмена должна быть произведена от имени Академии. Тогда я имел бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявление особого к этому предмету мнения, так как, подавая свой голос, знал о привлечении А. М. Пешкова к дознанию по политическому делу (это известно очень широко) и не считал это препятствием для его выбора. Мое мнение может быть ошибочно, но и до сих пор оно состоит в том, что Академия должна сообразоваться лишь с литературною деятельностью избираемого, не справляясь с негласным производством постороннего ведомства. Иначе самый характер академических выборов существенно искажается и теряет всякое значение.

* Вот объяснение, которое дал в Петербурге жандарм родственнику одного старосты: «Господа старосты вели себя очень неосторожно и откровенно высказывались в беседах с профессорами» (см. изд. «Кассы радикалов» от 11 марта).

«Выборы почетных академиков по существу своему представляют гласное выражение мнения Академии о выдающихся явлениях родной литературы. Всякое мнение, по своей природе, имеет цену лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмене или ограничению могут подлежать лишь формы его обнаружения и его последствия, но не самое мнение, которое, по природе своей, чуждо внешнему воздействию. Только я сам могу правильно изложить мотивы моего мнения и изменить его, а тем более объявить об этом изменении. Всякая человеческая власть кончается у порога личной совести и личного убеждения. Даже существующие у нас законы о печати признают это непререкаемое начало. Цензуре предоставлено право останавливать оглашение того или другого взгляда, но закон воспрещает цензуре всякие посторонние вставки и заявления от имени автора. Мне горько думать, что объявлению, сделанному от имени Академии, суждено впервые, кажется, ввести прецедент другого рода, перед сущностью которого совершенно бледнеет самый вопрос о присутствии того или другого лица в составе почетных академиков. Если бы этот обычай установился, то мы рискуем, что нам могут быть диктуемы те или другие обязательные взгляды и что о перемене наших взглядов на те или другие вопросы (жизни и литературы) может быть объявляемо от нашего имени, совершенно независимо от наших действительных убеждений. А это — величайшая опасность в глазах всякого, кто дорожит независимостью (и значит) искренностью и достоинством своего убеждения. Смею думать, что это — величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

«В виду изложенных, по моему мнению, в высшей степени важных принципиальных соображений, я и считал необходимым обратиться к вам с просьбой известить меня о времени заседания Отдела и Разряда по этому поводу. К сожалению, моя просьба запоздала и уже тогда, к крайнему моему прискорбию, я предвидел, что мне останутся только сложить с себя звание почетного академика, так как по совести я не могу разделить ответственности за содержание сделанного от имени Академии объявления. Но я считаю своей нравственной обязанностью перед уважаемым учреждением прежде изложить свои соображения в собрании Отдела и Разряда, которое, быть может, указало бы мне другой выход, согласный с моей совестью и достойный высшего в нашем отечестве научного учреждения. Оставаясь при этом мнении, я прошу вас, глубокоуважаемый А. Н., сообщить мне, находите ли вы возможным созвать в ближайшем времени собрание Отдела русского языка и словесности и Разряда изящной словесности для выслушания моего заявления, которое я в таком случае буду иметь честь представить.

Примите и пр. Вл. Короленко.

6 апреля 1902 г.»

Как же думает поступить Академия Наук?

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Воткинский завод. (Начало апреля.) На нем около 5.000 рабочих, всех же жителей около 25.000. Числа 26 марта все население Воткинского завода приняло праздничный вид. Рабочие бросили работу, выкинули красный флаг с надписью: «Все как один!» и предъявили управляющему требования: 8-часовой рабочий день и повышение расценков. Все было так хорошо организовано, что ни полиция ни начальство и не подозревало о готовящихся событиях. Руководителями движения начальство считало каких-то двух рабочих, которых звали там «студентами». Бросив работу, рабочие, прежде всего, оборвали все телеграфные проволоки, потом проникли в контору. Оттуда они вывели управляющего и доктора, держа над их голову красное знамя, и, несмотря на долгое сопро-

тивление, заставили управляющего подписать их требования — 8-часовой день и повышение расценков. Какой-то мелкий служащий (по слухам телеграфный чиновник) отправил депешу с нарочным куда следует. Когда на место прибыл исправник, рабочие его арестовали. Говорят, управляющий и доктор (большой мерзавец) отпрашивались у рабочих «пообедать». Последние бросили им кусок гнилого хлеба со словами: «Покушайте-ка того, чем принуждены кормиться рабочие». Когда среди рабочих прошел слух, что их «студенты» исчезли, они кинулись к квартире станового (это было еще до приезда исправника), разгромили ее, вытащили станового и начали требовать у него указания, где «студенты». Тот долго не соглашался, но, наконец, сказал: «Ну, хорошо, пойдемте, я вам покажу». Он привел их в камеру судьи, где действительно находились арестованные «студенты». Рабочие освободили их. В конце-концов управляющий ускользнул, а доктора и одного лесничего держат под арестом. Теперь туда отправился вятский губернатор и посланы войска из Казани. На днях прошел слух, что к воткинским рабочим присоединился и Ижевский казенный завод. Там рабочих до 30.000. Народ отчаянный. У них много оружия. Воткинские рабочие забаррикадировали плотину своего пруда (единственный путь, ведущий к ним) и поставили на нем пушку (благо они изготавливаются на заводе).

* * *

Об окончании беспорядков сообщают следующие возмутительные подробности:

«Следствием, произведенным губернатором (вкупе с сарапульск. прокурором, вятским жандармским полковником и вятским полицмейстером), обнаружено было, что „зачинщиками“ беспорядков была заводская молодежь, а вдохновителем ее — недавно прибывший в заводы (и, кажется, поступивший на них в качестве рабочего) один родственник воткинского торговца некто Аарон Зюсман (молодой человек, очень интеллигентный). Следствием этим установлено было также, что рабочие в последнее время устраивали сходки, что среди них циркулировала нелегальная литература и т. д.

«Результатами этого предварительного следствия были: 1) арест и отправка в сарапульскую тюрьму 69 чел. рабочих и 2) наказание розгами 35 человек из них. Наказанию розгами подвергнуты были якобы несовершеннолетие из рабочих, но в первую голову — Зюсман (человек, как я уже сказал, пришлый и интеллигентный), и рабочий Шадрин (тоже, кажется, пришлый), которому около 40 лет. Последний пострадал за то, что хранил у себя и не хотел отдать губернатору подписанное Трояном требование рабочих.

«Экзекуция происходила на базарной площади и... „народ безмолвствовал“...»

Бежица (Орловской губ., Брянского уезда).

Положение на заводе страшно натянутое. По расказу местного жителя, принадлежащего к заводской администрации и являющегося по отношению к рабочей массе, так сказать, посторонним наблюдателем, весь завод находится в брожении. По заводским улицам и паркам то и дело видишь кучки рабочих с мрачными лицами и с сдержанной страстностью обсуждающих жгучие для них вопросы о безработице. Вся местная буржуазия чует приближающуюся грозу и страшно перепугана. До чего доходит страх, видно из того, что все причастные к заводской администрации лица спешат застраховать жизнь, а некоторые даже отправляют ценные вещи на хранение за пределы завода. Настроение рабочих действительно таково, что достаточно спички, чтобы запылал самый хаотический пожар в виде разгрома завода или бунта.

Такое настроение неудивительно при тех возмутительных притеснениях со стороны администрации завода, которым, кажется, не предвидится конца. Заводское начальство, повидимому, хочет намеренно вызвать бунт, чтобы расчитать многих рабочих. Вот несколько примеров возмутительного поведения заводской администрации.

1 апреля в кузнечном цехе у прессовщиков сбавили расценку с 80 коп. на 50 коп. за 1 тысячу заклепок. Кроме того, при учете работы 45 тысяч заклепок «замотали», т. е. попросту говоря украли, не проставивши их в учет. Все 70 прессовщиков после таких возмутительных фактов заявили, что не будут работать и берут расчет. В виду наступающих праздников многие рабочие пошли к начальнику чугунного цеха Галину просить выдать плату (которую заводское начальство держит больше месяца) несколькими днями раньше назначенного для выдачи платы срока. Пошли просить потому, что этим рабочим буквально есть нечего, и, кроме того, плату назначили выдавать в пятницу страстной, а в субботу все многотысячное заводское население должно успеть закупить в местном магазине продукты к празднику — понятно, какая неурядица должна будет от этого произойти. Галин просителей оштрафовал, а инициаторов просьбы уволил. Мастер кузнечного цеха Демосфенов проявил особенное усердие в отыскании у рабочих нелегальных брошюр. Заметивши, что из рабочих имел таковые, он набрасывался на этих рабочих, вырывал брошюры и бил ими по лицу злополучных читателей. А двух рабочих за чтение брошюр назначил к расчету. — Один из приставов местной полиции проявляет свое холоское усердие, занимаясь распечатыванием писем подозрительных рабочих.

Терпение рабочих от всех таких безобразий начинает лопаться. В начале апреля они сильно избили шпиона Мартиренко, так что последнего отправили в больницу. Урок был хорош, потому что побитый агент говорит, что ни за что не останется теперь в Бежице. (Его колотят уже второй раз; но первый раз легко.) Неделю раньше побили стекла в доме и самого поколотили одного подмастерья, занимающегося провокацией. — К 1 мая хотят рассчитать до 3 тысяч рабочих. Упраздняют мостовой, литейный цехи и вальцовку, оставляют только механический и вагонный с комплектом в 6 тысяч рабочих. На случай волнений принимают меры: 1 роту солдат уже пригнали из Брянска и спрятали на хуторе. Ждут еще 7 рот.

Из жизни глухих заводских углов.

Каменный Брод, Волынской губ. Фаянсовый завод Зусмана с 400 рабочих (евреев и христиан) расположен в лесу среди толких болот. Кругом этого завода имеются только несколько деревень, а ближайшее местечко находится на расстоянии 10 верст.

С месяц тому назад на этом заводе имел место следующий случай: малолетний рабочий, «надевая ремень на ходу», был захвачен трансмиссионным валом и едва не убит. Только благодаря тому, что тотчас же был вызван врач, мальчика удалось привести в чувство. Оказалось, что у него переломаны левая нога и 3 ребра, вывих правого плеча и значительно повреждена черепная полость. Понятно, какой переполох поднялся на заводе и в конторе. Особенно волновалась администрация в виду того, что только в прошлом году был убит рабочий на этом же заводе при смазывании машины на ходу, а также в виду того, что фабричный инспектор В. А. Козьмин за последнее время уже написал несколько протоколов и уже несколько раз оштрафовал администрацию за небрежное отношение ко всякого рода ограждениям. Дело в том, что фабричная инспекция строго запрещает надевание ремней на ходу, а так как частое приостанавливание главного двигателя сопряжено с сравнительно большой затратой, то на всех фабриках стараются разными путями обходить этот закон. На некоторых фабриках, где заведующие — люди более или менее добросовестные, устраиваются так называемые «холостые шкивы», но это удается устроить только там, где место позволяет, на других же фабриках стараются о том, чтобы «шпонки» едва выступали из тулки шкива, и тогда надевание ремня на ходу представляет меньше опасности. На заводе же Зусмана заведующий Литинский, человек необразованный, грубый, простой практик, решил обойти этот закон иным способом. Он намечал себе среди рабочих наиболее смелого и раз навсегда поручал ему надевание ремней на ходу. Такой рабочий получал за эту обязанность, конечно, осо-

бую плату. Этот способ практикуется Литинским уже давно, но обнаружилось только теперь, после этого несчастного случая с злополучным 15-летним рабочим, единственным сыном у своих родителей. Теперь уже известно, что этот мальчик получал за «надевание ремней на ходу» по 1 рублю в неделю. Администрация больше всего боялась, как бы об этом не узнал фабричный инспектор Козьмин, и поэтому заставила рабочих свидетелей рассказать приставу, что несчастный мальчик вовсе не надевал ремень, а нагнул его, чтобы поднять упавшее пальто, которое раньше висело на трансмиссионном вале. Не успокоившись на этом и еще сильно дрожа над своей шкурой, управляющий в тот же день поехал к судебному следователю Поливоду, захватив с собой пару роскошных колонн с не менее роскошными вазами. Поливода, которому приходится не впервой «брать», очень благосклонно принял этот подарок и посоветовал ему «соврать получше», так как ему и за пальто (ибо вешать пальто на машине воспрещено) может влететь от фабричного инспектора. Прискакав обратно в Каменный Брод, управляющий застал уже там фабричного инспектора, и ему трудно было уговорить всех рабочих врать по-новому. Показания получились противоречивые, из чего Козьмин понял почти все. Дело пока передано суду. По закону (за надевание ремня во время хода машины) Литинский должен сидеть 4 месяца в тюрьме; но будет ли он в тюрьме — покажет будущее.

Во льне.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЗ ФРАНЦИИ.

(Конец апреля.)

Предстоящие во Франции выборы крайне знаменательны как по тому характеру, который приняла здесь партийная борьба, так и по отношению социалистов к буржуазным фракциям.

Всякий внимательный наблюдатель внутренней политики «дружественной» страны легко заметит, из-за чего ведется спор между двумя фракциями буржуазии, из которых одна называет себя республиканской, другая националистической; заметит также, как все более и более ослабевает крайний правый, монархический элемент в последнем лагере. Пусть Дерулед мечтает о короне, пусть Дрюмон симпатизирует монархистам, пусть поэт Коппэ и критик Лемэтр славословят престолы, пусть все они будут в душе самыми яркими и завзятыми антиреспубликанцами, факт тот, что в своих публичных заявлениях, в своих органах, на собраниях, перед своими сторонниками они должны выступать республиканцами, а это является самым лучшим, самым ярким доказательством того, что пресловутая опасность, угрожающая буржуазной республике со стороны реакционных партий, — чистая фантазия, а говорить и в особенности кричать об этой опасности — политический маневр. Надо дать исход революционному строению французского пролетариата, надо отвести его громы, готовые разразиться над всем буржуазным строем — и сознающая свои классовые интересы, т. е. республиканская, буржуазия пускается со всех сил запугивать рабочий класс призраком монархии. Нет спора, между двумя частями французской буржуазии ведется упорная борьба из-за экономических интересов; то борьба торговой буржуазии с финансовой, промышленной, с аграрной; нет спора, в этой борьбе и той и другой стороне выгодно в интересах победы привлечь на свою сторону сильный численностью пролетариат; но постоянно прогрессирующее развитие классового сознания рабочих, значительно усилившееся за последние годы рабоче движением, заставляют ту сторону, которая хочет опираться на рабочий класс, быть на сторожке, и, пользуясь громом, в то же время отводить его.

Пусть гремит, пусть очищает воздух, пусть уничтожает соперников, но только... не затрагивать корней... Больше по поверхности и меньше вглубь!.. Такова тактика всякой буржуазной партии по отношению к рабочему классу, такова его система политического

воспитания... Всячески угрожая, одна партия — опасностью, которой подвергается республика, другая — разорением, крахом, к которому будто бы идет Франция, благодаря республике, обе они сходятся на признании необходимости борьбы с социалистами. Одни твердят: мы должны бороться с клерикалами и социалистами; другие варьируют: мы должны бороться с франк-массонами и социалистами.

Вытекающее отсюда поведение революционных социалистов было просто и ясно.

Тщетно пытались Жорес, Мильеран⁶, Вивiani⁷ и К⁰ уговорить пролетариат, что нитка, на которой держится теперь республика, так тонка, что рабочие должны временно оставить всякий социализм и притти на помощь спасителям республики; после Турского⁸ конгресса многим, даже из вчерашних закадычных друзей упомянутых господ, стало ясно, что эти речи вели не социалисты, а чистейшие представители буржуазного класса, правда, очень умные и знающие с слабою стороною французского пролетариата.

Тщетно пытаются здешние Зубатовы, вроде Лануара и Бьетри, организаторов «желтых синдикатов»^{*}, удерживать рабочих от... политики (конечно, социалистической); поведение «желтых», их тесный союз с таким буржуазным политиком, как Мелин⁹, их слишком явная умеренная политика, их борьба с революционерами раскрывают мало-помалу глаза даже самым недалеким рабочим.

Объединившись после прошлогоднего Лионского⁸ конгресса в одну «Социалистическую Партию» («Союз Социалистов-Революционеров»), гедисты, бланкисты и несколько приставших к ним автономных федераций выработали общий план действий и одинаковые избирательные заявления всех кандидатов, выступающих от имени партии. Впервые в истории социалистического движения Франции партия выставляет кандидатов почти во всех 589 избирательных округах. Партии неважно приобрести столько-то и столько-то депутатских мест; ей важно, пользуясь избирательной кампанией, вести самую широкую пропаганду своих революционно-социалистических идей. Она выставляет своих кандидатов всюду, как во всех округах Парижа, так и во всех самых глухих и отдаленных деревушках, куда еще ни разу не проникал социализм; она выставляет своих кандидатов одинаково как против националистов-реакционеров всяких оттенков, так и против так называемых «республиканцев» всех оттенков, от Барту и Бриссона до Жореса.

Не боясь обвинений в антипатриотизме, партия везде подчеркивает свой интернационализм, заявляя себя «частью международной организованной социал-демократии».

Республиканцы в политике, кандидаты партии хотят истинно демократической республики, а таковой может быть только общество, построенное на социалистических основах; они отказываются защищать и осуждают современную плутократическую республику, коленопреклоняющуюся перед русским царем, расстреливающую рабочих-стачечников, заигрывающую с папой, словом, республику буржуазную со всей ее антидемократической политикой.

Будучи социалистами, они выступают против тех ничтожных социальных реформ, которые, отнюдь не облегчая положения рабочего класса, напротив, ложатся на него тяжелым бременем. Таково пресловутое сокращение рабочего дня до 10½ часов, введение которого с 1 апреля сопровождается всюду понижением заработной платы^{**}; — таков проект пенсии старикам-рабочим, только облагающий рабочих новым налогом путем вычета из заработка определенных процентов в пенсионную кассу и помогающий им в таком возрасте... до которого не доживают 94% рабочих; таков, напр., функционирующий теперь налог на окна и двери, который должен в силу за-

кона падать на домовладельцев, а завершился лишь повышением цен на квартиры... таков... но было бы слишком долго перечислять все те реформаторские миражи, которыми французская радикальная буржуазия пытается склонить на свою сторону рабочий класс.

Революционеры, кандидаты партии заявляют себя в решительной оппозиции ко всем буржуазным партиям; они отказываются от временных ничтожных успехов, купленных ценой компромиссов, и видят единственный исход из современного положения вещей в революции, которую руководил бы организованный и сознательный пролетариат.

Ясно, что при такой постановке дела борьба между буржуазными партиями и социалистической будет горячей, и для последней трудной. Социалисты не располагают ни деньгами, необходимыми для широкой избирательной кампании, ни правительственными агентами, пускающими в ход в интересах своих кандидатов все колесо государственного механизма, ни средствами давления со стороны хозяев, которыми так широко пользуются буржуазные партии во время выборов. Не даром также прошел для партии только что пережитый кризис: измена партии со стороны разных Жоресов, Мильеранов и К⁰, увлечение ими части рабочего класса, дезорганизация партии и т. д.

Особенный интерес представляют теперь кандидатуры Жюль Гед и Рэнэ Шовэна. Первый борется в Рубэ против всемогущего заводчика депутата Мотта, которого поддерживают правительство, хозяева и псевдо-социалисты жоресовского лагеря. Кандидатура Шовэна (парикмахера) выставлена партией в 12 округе Парижа против министра торговли Мильерана, сжегшего с тех пор, как он стал у кормила власти, все, чему поклонялся раньше.

Нет сомнения, что не социалисты выйдут победителями из предстоящей схватки, победителями в смысле числа приобретенных мест. Материальная победа останется не за ними. Но за ними останется другая, в тысячу раз большая моральная победа: рост классового сознания рабочих, приобретение новых сторонников, окончательное поражение оппортунистического социализма как социализма и широкое распространение в стране принципов социализма революционного.

Р. S. Корреспонденция была уже набрана, когда стали известны результаты выборов. Как следовало ожидать, не революционные социалисты вышли победителями из борьбы; они сохранили позицию, которую занимали до выборов — и только. Жюль Гед пал жертвою невероятного давления хозяев и правительства. Все же, однако, число голосов, поданных за него теперь, возросло на 700 сравнительно с тем, что он получил в 1898 г. (тогда 7.998 голосов, теперь 8.728). Чувствительную потерю потерпели гедисты в лице молодого депутата и неумолимого пропагандиста Зеваэса. Зато выбран в депутаты Делори, мэр Лилля. В 12 округе Парижа, в котором раньше не было ни одной гедистской группы, Шовэн получил 27 апреля 1.094 голоса, тогда как Мильеран получил около 5.000 голосов (в 1898 г. он был избран 8.000 голосов), и националист Пешен 4.000 гол. Произошла перебаллотировка, и прошел министр Мильеран незначительным большинством. Парламентская группа «Союза Революционных Социалистов» будет состоять теперь из членов, среди которых 3 гедиста: Делори, Дюфур, Констан, 6 бланкистов: Вальян, Самба, Вальтер, Шовьер, Котан, Аляр, и 3 из других организаций: Дежант, Тиврье и Буври. Два депутата, Бенезек и Барон, выставившие свою кандидатуру как гедисты, намерены теперь войти в группу жоресистов. Последние, пользовавшиеся правительственной поддержкой и заключившие перед баллотировкой союз с радикалами и даже умеренными (вроде Ив. Гюйо), вышли, конечно, победителями. Они потеряли нескольких выдающихся вожаков, как Вивiani, Фурньера, Альмана, но провели зато в палату Прессансэ, Жореса, Жеро-Ришара, Бриана и др... Если Бенезек и Барон окончательно войдут в их группу, у жоресистов будет в парламенте 35 человек, т. е. на 6 больше, чем было в прошлой палате.

[Г. Лейтейзен (Линдов)].

* Так называют французские рабочие те организации, которые буржуазия создает из мастеров, надсмотрщиков, шпионов и забитых простаков для борьбы с рабочим движением.

** При обсуждении этого закона социалисты требовали одновременного введения и минимальной заработной платы.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В БЕЛЬГИИ.

Уже 18 лет католическая партия управляет Бельгией. Всеми средствами старается она укрепить свое положение. Несмотря на то, что эту партию поддерживает меньшинство населения, несмотря на то, что при последних выборах за нее было подано на 30.000 голосов менее, чем за либералов, демократов и социалистов в совокупности (даже при настоящей системе выборов, о которой говорилось в предыдущей корреспонденции), она продолжает управлять страной, — продолжает управлять ею в интересах небольшой группы капиталистов, опираясь на попов, аристократов и на невежественную, забитую массу крестьянства.

Политика этой партии ложится, прежде всего, на плечи рабочего класса. В Бельгии до сих пор почти нет фабричных законов, до сих пор значительная часть рабочих и крестьянская масса оказываются неграмотными (30% населения), до сих пор старики и больные рабочие должны нищенствовать. Понятно поэтому, что именно рабочая партия решила во что бы то ни стало освободиться от гнета правящей клики. Несомненно, что только введением всеобщего и равного избирательного права, не искаженного никакими компромиссами, можно подорвать силу торжествующей реакции. XVI конгресс рабочей партии решил добиваться уравнивания политических прав и сосредоточить на этом требовании все силы партии. Весь последний год партия посвятила организации своих сил в виду этого требования, устраивая целый ряд демонстраций, сотни митингов, распространяя тысячами брошюры и воззвания.

К этой агитации сочувственно относились передовые слои буржуазии, так как политика католиков вредит в конце-концов экономическому развитию всей страны. Либеральная и демократическая партии присоединились наконец к требованию рабочей партии.

К сожалению, это присоединение либералов к социалистам было связано с компромиссом. Вместо того, чтобы неуклонно идти своим революционным путем, привлекая к себе союзников из буржуазии, но не подчиняясь им, бельгийские социалисты начали с уступок либералам, согласились отодвинуть вопрос об избирательном праве женщин, связали требование всеобщего избирательного права с требованием пропорционального представительства. И последствия показали еще раз всю гибельность этой политики подчинения рабочей партии либералам.

19 марта было внесено в парламент предложение пересмотреть конституцию, подписанное вождями всех оппозиционных фракций.

Католическая партия не может рассчитывать на то, что она сохранит власть в своих руках после пересмотра конституции. Поэтому она с самого начала обнаружила резко отрицательное отношение к новому движению. Пользуясь большинством голосов в парламенте, она решила воспротивиться всякому пересмотру.

Вождям рабочей партии оставалось только обратиться к стране, опереться на самих рабочих. Они обратились к ним с горячим призывом начать борьбу «за будущее рабочего класса, за самый хлеб насущный, за душу детей своих». Они выражали свою уверенность в том, что рабочие, бросив работу на фабриках, заводах и шахтах, сумеют победить «безумное и упорное сопротивление католиков». На всеобщую стачку они смотрели, как на верное и единственное возможное средство заставить католиков удовлетворить их требование. Словами «да здравствует всеобщая стачка!» они заканчивали всякое свое обращение к рабочим, указывая им в то же время на то, что средство это является вполне законным средством борьбы.

Единодушные рабочие, их готовность вступить в решительный бой с правительством превзошли самые смелые ожидания вождей партий. Тысячи рабочих немедленно бросили работу во всех городах и вышли на улицу. Грандиозные демонстрации развертывались ежедневно во всех уголках Бельгии. Во главе демонстрантов двигались не только красные знамена международной социал-демократии, но и синие знамена демократии либеральной. Число стачечников быстро увеличивалось.

Правительство почувствовало смертельную опасность. Оно запрещает демонстрации, всякие сборища на улицах и площадях, оно выдвигает все свои силы: полицию, которую вооружает специально для этой борьбы, жандармерию и гражданскую гвардию, состоящую из вооруженных представителей буржуазии. Хотя армия неоднократно выражала свое сочувствие движению, правительство держит наготове и ее, созывая в то же время в казармы два последние класса резервов и выражая устами военного министра «убеждение», что «60.000 вооруженных солдат исполнят свой долг». Правительство, подавляя революционное движение, решило не останавливаться ни перед какими мерами.

Две враждебные силы сталкиваются. Раздаются выстрелы, течет кровь. На улицах Брюсселя воздвигаются баррикады. Народный дом подвергается правильной осаде. Движение на улицах, прегражденных батальонами гражданской гвардии, приостанавливается... Из разных концов Бельгии приходят известия о раненых и убитых. Тюрьмы наполняются арестованными. Католических депутатов и их дома приходится охранять вооруженной силой. 12—16 апреля движение крепнет и развивается по всей Бельгии. Число стачечников быстро растет, достигая небывалой цифры 350.000.

Образ социальной революции носится в воздухе. Либералы, разумеется, приходят в ужас и требуют, прежде всего, и больше всего, требуют безусловно законности, отказываясь (как и подобает представителям благородного денежного мешка) от борьбы за только что принятую ими программу, если эта борьба выйдет из рамок законности. А вожди бельгийских социалистов и здесь идут на уступку, принося в жертву все движение интересам «мирной» буржуазной... реакции. Вожаки боятся, видите ли, той ответственности, которая может лечь на них в случае неудачного исхода борьбы (не боясь почему той ответственности, которая уже ложится на них за отказ довести до конца начатую всем рабочим классом борьбу).

Резко критикуют они всякое проявление действительно революционного настроения и, вместо того, чтобы организовать движение, вырастающее на почве этого настроения, они стараются, пользуясь всею силой своего авторитета, потушить его. Они приглашают продолжать лишь мирную, пассивную, всеобщую стачку и советуют стачечникам оставаться по домам, пользуясь своим досугом... для чего? — Для того, чтобы «копать гряды на своих огородах», как выразился центральный орган партии.

Некоторое время рабочие все-таки выходят на улицы, но они не могут оказать организованного сопротивления целому ряду насилий и унижений, которому их подвергают: их организация признает только «законные» формы и осуждает всякое сопротивление, не пытаясь даже выдвинуть хоть какой-нибудь план активной борьбы.

Рабочие сознавали, что неорганизованная борьба приведет только к целому ряду бесполезных жертв. Они отказывались от активной борьбы, скрывая в себе тяжелое сознание своего бессилия и унижения. Улицы опустели.

Между тем обсуждение предложения о пересмотре конституции в парламенте началось 17 апреля. Правительство, благодаря тому, что социалисты-депутаты не имели возможности применить парламентскую obstruction, уже 12 апреля получило нужные ему $\frac{1}{12}$ бюджета на 1902 г. Оно чувствовало, что оппозиция теряет всякую возможность серьезно бороться с ним, и с самого начала отказалось даже «принять к рассмотрению» предложение о пересмотре конституции. Блестящие речи Анселя, Вандервельда и Жансона не повели ни к чему. 18 апреля большинством 20 голосов палата узаконила отказ правительства.

Генеральный Совет рабочей партии обратился к рабочим с предложением продолжать стачку.

Но какое значение могло иметь подобное приглашение после того, как сам же Генеральный Совет постарался потушить революцию, начавшую уже разгораться из всеобщей стачки, после того, как заявил о своем решении ни в каком случае не выходить из пределов законности? Кого могла утешить эта — по меткому выражению Розы Люксембург — военная демонстрация с разряженными перед лицом врага пушками? На что рассчитывал Генераль-

ный Совет? Только разве на... короля, как показывают следующие цитаты из центрального органа партии: «Пусть же король со свойственной ему мудростью и мужеством скажет свое слово. Опираясь на социальную и либеральную демократию, он будет выше всяких грязных и подлых происков клерикальной партии (см. «Le Peuple» № 108). Такого рода фраз можно найти немало в официальном органе партии. Да! вожди партии рассчитывали, что король, распустив палату, даст возможность высказаться всей стране.

Бельгийский король, со свойственной ему трусостью, за все это время не произнес ни одного слова.

Партия потеряла свою последнюю и очень хрупкую, надо сознаться, надежду, и Генеральный Совет, приглашавший 18 апреля продолжать всеобщую стачку, через день, 20 апреля, постановляет прекратить ее... Социалисты оказываются, в силу своей тактики, вынужденными идти на поводу у либеральной буржуазии, которая именно 19 апреля высказалась против стачки (устами либеральной партии)... И того же 20 апреля происходит последняя бойня в Луазене, жертвами которой пали 8 рабочих.

Борьба за политическое равенство вообще, конечно, не кончилась и кончится только с полным удовлетворением требований рабочих.—но тот период борьбы, который мы описали, окончился поражением бельгийской рабочей партии.

Рабочие не сразу подчинились решению Генерального Совета своей партии: стачечное движение ослабевало только мало-по-малу. Горячо протестовали против поведения партии в этой борьбе рабочие Центра и Боринажа. Многие поняли, что необходимо преобразовать партию. Анархисты подняли голову.

Для того, чтобы объяснить свое поведение, Генеральный Совет партии созвал общий съезд на 4 мая. На этом съезде члены Генерального Совета утверждали, что за все время борьбы они подчинились только голосу своей совести и не подвергались какому бы то ни было давлению со стороны либеральной партии; они старались доказать, что «Генеральный Совет исполнил свой долг, весь свой долг по отношению к партии, что при существующих условиях он не мог поступать иначе.

Все делегаты согласились, что при существующих условиях «всеобщая стачка» не могла окончиться победой, но для многих было ясно, что те неблагоприятные условия, при которых велась стачка, созданы в значительной степени самими вождями движения. Громадное впечатление произвела речь Дестрэ, делегата из Шарлеруа. «В рядах нашей партии, — говорил он, — стоят друг против друга представители двух течений: одни признают только легальные формы борьбы, — мы же, признавая эти формы, считаем необходимым в известных случаях действовать революционно. Рабочая партия, как партия революционная, всегда должна быть готова силою поддержать свои права и требования; только в таком случае мы можем ожидать уступок от правительства, только при таких условиях мы можем уверенно идти по направлению к нашему идеалу. Нам говорят, что в настоящее время уличная борьба невозможна... Значит, мы принуждены будем сидеть по домам даже тогда, когда нарушат права наши, арестуют наших делегатов!» — Единодушные крики: «нет!», «нет!» объединили, повидимому, всех членов съезда.

Далее Дестрэ предлагал преобразовать Генеральный Совет партии так, чтобы его настроение более соответствовало настроению всей партии; указывая на то, что союзы с буржуазными партиями до сих пор только ослабляли рабочие партии, он советовал впредь уклоняться от всяких союзов с ними, он требовал, наконец, чтобы объявление начала и конца всеобщей стачки зависело не от решения комитета партии, а от решения всей партии.

Выражая готовность в ближайшем будущем приступить к борьбе за политическое равенство и желая объединить все свои силы в предстоящей выборной борьбе, делегаты съезда не решились выразить порицание комитету, но около сотни делегатов вотируют против него.

На международный социалистический мир неудача бельгийского движения произвела сильное впечатление; как говорит Меринг, она набросила мрачную тень на майский праздник этого года. Следует надеяться, что урок бельгийских событий не пройдет бесследно для всемирного рабочего движения. Социалистический пролетариат

увидит, к каким практическим результатам ведет оппортунистская тактика, жертвующая революционными принципами в надежде на скорый успех. Пролетариат еще раз убедится, что ни одно из применяемых им средств политического давления на врага не может достигнуть цели, если у него нет готовности довести это средство до логического конца. Если верно, что для политической революции бельгийский пролетариат не имел достаточно сил (чему противоречат многие заявления вождей движения на первых порах), то не следовало прибегать к всеобщей стачке, т. е. к такому средству, все значение которого именно в угрозе революцией и с применением которого следует быть особенно осторожным в момент промышленного кризиса.

[П. Смидович]

ИЗ ПАРТИИ

Нас просят напечатать следующий документ:

ПРОГРАММА.

Уральского Союза Социал-Демократов и Социалистов-Революционеров¹⁰.

«Исходя из принципов научного социализма, „Уральский Союз социал-демократов и социалистов-революционеров“ ставит своей конечной целью уничтожение буржуазного строя, который характеризуется тем, что орудия и продукты труда находятся в распоряжении господствующих классов.

«Непременным условием осуществления конечных идеалов социализма „Уральский Союз“ признает завоевание политической власти пролетариатом.

«При этом „Уральский Союз“ ни на минуту не забывает, что по условиям исторического момента ближайшим и главным врагом трудящейся массы в России является самодержавие.

«Полагая, что полное политическое и экономическое освобождение пролетариата может быть делом только самих рабочих, „Уральский Союз“ ставит своей ближайшей целью революционную организацию пролетариата на Урале и приобщение его к великой борьбе всемирного пролетариата.

«Формами борьбы во имя намеченных целей являются стачки, забастовки, политические манифестации и другие виды протеста.

«Примечание. „Уральский Союз“, не вводя в программу террор как средство партийной борьбы, допускает, однако, террористические поступки отдельных лиц (хотя бы они были и членами Союза), совершаемые за их собственный страх и риск.

«Считаясь с особенностями положения рабочего класса на Урале и ведя пропаганду и агитацию на почве повседневных нужд и запросов, мы должны всегда ставить частные случаи в зависимость от общего политического и экономического режима и с этой точки зрения освещать их, памятуя, что мы боремся не за палиативы, но за коренное изменение существующего строя.

«Ближайшими нашими завоеваниями должны быть политическая свобода и 8-часовой рабочий день.

«Параллельно с этим должны идти требования постоянного повышения заработной платы и улучшения условий труда.

«Местные рабочие кружки, возникая на почве касс, библиотек и самообразования, объединяются в местные группы, которые, в свою очередь, объединяются в районные организации; совокупность районных организаций образует „Уральский Союз“.

«Решения общего характера вырабатываются на съезде представителей всех районных организаций. Редакция общего органа назначается съездом представителей всех районных организаций. Издания же местных агитационных листов предоставляются местным группам в духе общей программы.

1901 год.

Уральский Союз Социал-Демократов и Социалистов-Революционеров».

Из настоящей программы не видно, в каком отношении стоит «Уральский Союз» к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, равно как неясно, входит ли он в партию социалистов-революционеров? Невольно поэтому является вопрос, не означает ли появление такого «смешанного» союза, в сущности, возникновения третьей социалистической фракции вместо того, чтобы служить предвестником сближения между двумя, уже существующими?

В самом деле: «смешанные» организации подобного типа возникают не на одном лишь Урале. В Саратове действует подобная же группа, но входящие в нее социал-демократы стоят вне существующего в этом городе комитета нашей партии. О таком же факте сообщают нам еще из одного города. Таким образом, соединение части местных социал-демократов с социалистами-революционерами означает в то же время отсутствие единства между местными социал-демократами, которых желательно видеть соединившимися между собой прежде, чем приступлено к соединению с другими фракциями.

С другой стороны, мы видим, что уральские социал-демократы, вступая в общую организацию с социалистами-революционерами, признают — хотя и в очень странной формулировке — целесообразность террора. В то же время, напр., южные комитеты партии на своей конференции приняли резолюцию, признающую террор нецелесообразным приемом борьбы. Однородное отношение к террору проявили и Бунд и другие социал-демократические организации. Таким образом, уральские товарищи, решая для себя тактические вопросы совместно с социалистами-революционерами тем самым отдалились в очень важном вопросе тактики от большинства русских социал-демократов...

А от всего этого в накладе остается, прежде всего, русский пролетарий, в интересах которого решаются все эти вопросы и создаются все эти организационные постройки. Работал человек на юге и слышал, что социал-демократия отвергает террористическую борьбу, считая ее идущей вразрез с интересами развития классового движения. Перенесла судьба на Урал — и он слышит, что социал-демократия советует членам своей партии практиковать террор «за свой собственный страх и риск».

Не пора ли, товарищи, серьезно взяться за устранение причин, которые создают столь ненормальное положение дел и до известной степени объясняют этот разброд среди социал-демократов, слишком много предпринимавших за свой страх и риск?

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Из Москвы пишут:

«Уже два месяца, как тюрьма завладела всеми нашими мыслями и чувствами. Куда ни придешь, только и слышишь: „на 6 мес. в тюрьму“, „на 4 года в Сибирь“, или какие-нибудь невеселые комментарии по этому поводу. В конце концов все это больше похоже на какой-то ужасный, мучительный кошмар, чем на реальную действительность. Едва успели уехать в Сибирь первые 95 чел. (их отправили 19 марта), как прилетели из Петербурга новые приговоры по делам лиц, взятых отдельно по домам, приговоры, которых не могло ожидать самое пылкое воображение обывателей. Так, напр., ссылается на 3 года в Восточн. Сибирь молоденькая и довольно беспомощная девушка, уличенная лишь в том, что она за несколько дней до схода приехала в Москву к родителям (она арестована 6 февраля), ее обвиняли в том, что она участвовала в сообществе, имевшем целью приготовления беспорядков, и о существовании которого она ничего не знала. Ссылается туда же в качестве „возможного руководителя“ и студент, уехавший за месяц из Москвы к больной матери (ссылается на 4 года). Сколько всего будет послано в Сибирь второй серией приговоров, пока не выяснилось, но, вероятно, их не мало. Вот список попавших в первую партию (в нем пропущено 13 чел.):

На 5 лет: 1) Церетелли, 2) Будилович, Игорь.

На 4 года: 1) Ховрин, 2) Чулков, 3) Швейцер, 4) Сыромятников, 5) Охримович, 6) Будилович, Георгий, 7) Эбергел, 8) Батури, 9) Баев, 10) Залыгин или Зальмин, 11) Коропачев, Иван, 12) Виск, 13) Свешников, 14) Тер-Иванов, 15) Игнатьев, 16) Метальников, 17) Переломов, 18) Боголюбов, 19) Белоухов, 20) Голик, 21) Дрейер, Николай, 22) Дрейер, Сергей, 23) Добров, 24) Загорский, 25) Костюнин, 26) Кашкарев, 27) Костецкий, 28) Корякин, 29) Лучинин, 30) Токарев, 31) Мейерович, 32) Половинцын, 33) Парнов (или Парков), 34) Соболевский, 35) Саврасов, 36) Соленов, 37) Сегада, 38) Совков, 39) Терехов, 40) Царик, 41) Шебуев, 42) Кудрявцев, 43) Король, 44) Белов, 45) Котельников, 46) Добров, Вл., 47) Кожевников, 48) Колокольников, 49) Масалитинов, 50) Ратнер, 51) Киреевский, 52) Николаева, Людмила, 53) Андреевская, 54) Иков, Вл., 55) Урисон, Исаак, 56) Шуган, Александр, 57) Шеголев, 58) Сбытников, 59) Барталон, 60) Барцев (или Барсов), 61) Батурина, Ек., 62) Зайцева, Анна, 63) Нейгедауер, 64) Второва, 65) Мечникова, 66) Панфилова (17-летняя чахоточная девушка).

На три года: 1) Орлов, 2) Панейшвили, 3) Перьмин, 4) Лазарев, 5) Руднев, 6) Турусов, 7) Целикман, 8) Волков, Сергей, 9) Пикок (великобританский подданный — ему подлежит выбор между Сибирью и вечным изгнанием из России, избрал первое; его мать — Бакунина).

На два года: 1) Коропачев, 2) Шалыт, 3) Яценко, 4) Глебов, 5) Алексеева, 6) Позерн.

Из осужденных новой серией приговоров пока известны: на шесть лет в Якутскую область — Богданов, техник, сын очень богатого купца; на четыре года — Зильберберг, студент, сын богача; на три года: 1) Зотова, 2) Пинегина, 3) Устинова, 4) Новодворская, 5) Фелицына, 6) д-ца Пискур. Несомненно, что общее число гораздо больше, это только случайные сведения.

Москва. В ночь с 20-го на 21 апреля были обыски и аресты. Пока удалось узнать следующие фамилии арестованных:

Анаст. Потоцкая, Екат. Жидкова, Мелан. Жидкова, Флерова, Попова, Заварыкина, Лобачева, Боголюбов (стат. губ. земства), Гаврилов и Никитин, служ. в статист., Нейфельд (две сестры). Были обыски и аресты среди рабочих.

Теофилополь, Волынской губ. Арестованы Мальцман с женой и отвезены в Киевскую тюрьму.

Вологда. 23 апр. арестован ссыльный П. Щеголев, содержится в Вологде. 24-го — ссыльная Третьякова, увезена в Кострому.

Малмыж, Вятской губ. За майское празднество разосланы по деревням ссыльные г. Малмыжа: Андреев, Березин, Величкин, Горбачев и Сверчевский.

Нижний-Новгород. На 30 апреля было много обысков; арестованы бывш. курсистка Геринг и Ромаренко. За демонстрацию на похоронах умершего здесь товарища Рюрикова 12 лиц подвергнуто аресту от 2 недель до 2 мес. За майскую демонстрацию в Сормове арестованы рабочие: Петр Заломов, Тимофеев, Совин, Пысин, Мих. и Петр Дружкины, Шибаев, Самылин, Матвейтев, Шишкин и еще 3 человек.

Пенза. В начале февраля арестован бывш. студент Ново-Александровск. института Стрелков (увезен в Саратов). В конце февраля взят бывший гимназист Чернов; в начале марта реалист Найдич, одновременно с этим обыск у семинариста Архангельского; 16 апреля был обыск у семинариста Гумилевского в пансионе семинарии, найдена нелегальная литература; вслед затем все семинаристы обысканы. Гумилевский скрылся. В тот же день обыск у техника В. Соболева. 18 апреля арестован бывш. студент Харьковский. Ветеринарного Института Николай Студенцов и произведен обыск у солдат 5 роты резервного Мокшанского батальона. 20 апр. обыск у гимназиста Соколова, 21-го — у гимназиста Мушинова. Семинария закрыта.

Пензенский уезд. В селе Бессоновке в середине апреля произведены жандармами обыски у крестьян. Взята нелегальная литература.

Чембарский уезд, Пензенской губ. Уездная полиция нашла в нескольких селах нелегальную литературу. Арестован ученик саратовск. земледельч. школы Иванов и с ним несколько крестьян.

Оренбург. Арестован ссыльный Доливо-Добровольский.

Баку. После демонстрации 21 апр. взяты: Ег. Голкова (бывш. слуш. Высш. Женск. Курс.), Р. Бабилова (фельдшерица), Л. Кнунянц (студ. Киевск. политехн.), Б. Кнунянц (вольноопр.), Т. Кнунянц (художник), А. Бекзадянц (студ. Киевск. политехн.), А. Инокидзе (техник), И. Мелик-Иосифьянц (бывш. студ. технол.), Н. Козаренко, гимназисты Назарьянц и Чикнаворьянц и несколько рабочих (фамилии неизвестны). Всего сидят в тюрьме 31 мужч. и 3 женщины.

Пермь. 27 апреля в Мотовилихе произведены обыски, арестовано 11 рабочих (6 уже выпущено). 3 мая арестован крестьянин Вас. Балахнин с Юговского завода (бывший школьный сторож). Там же арестован казанский студент Шнееров.

Воронеж. Кардашев, Рудковский и Махновец, арестованные 1 апреля и выпущенные через неделю, взяты вновь и отвезены вместе с остальными лицами, арестованными 1 апреля, в Москву. Юлия Махновец содержится в местной тюрьме.

В конце апреля арестованы: Чернышев, Земин, Руднев, Савин.

На границе арестованы: Квятковский, Мальчевский, Нарочницкая.

Во Владимире — Богаев.

В Ярославле — Варенцова.

Из Вятки от 27 марта сообщают:

«Здесь новый синий офицер из зубатовской школы навез провокаторов и шпионов; один провокатор в форме студента-политехника даже устроил порядочную ссудку. На этих днях был пойман с поличным (с письмом к полицмейстеру) один ссыльный по фамилии Вильямсон. Он сознался во всем решительно, до мельчайших подробностей, и оказалось, что высылкой ссыльных из Вятки, обысками и последними арестами обязаны ему. За все это он успел получить 60 руб. Ему остается до конца ссылки 2 месяца, и он уезжает из Вятки, так что это нужно иметь в виду другим».

Петербург. 7 апреля 1902 г. (стар. ст.).

Перед 19 февраля, в виду ожидавшейся демонстрации, слухи о которой впоследствии оказались ложными, в Петербурге были произведены аресты. В числе прочих был арестован статистик Орлов, живший в Петербурге и принимавший деятельное участие в социал-демократической организации.

Все арестованные были посажены в Дом Предварительного Заключения, где о них, повидимому, совершенно забыли, так как не присылали следователя. В 10-х числах марта решили голодать.

Орлов также принимал участие в голодовке, но по слабости здоровья не выдержал и заболел. Тогда тюремное начальство применило к нему искусственное питание, — состоящее в насильственном введении пищи через зонд, способ, которым оно нередко пользуется в последнее время.

Неизвестно, это ли было причиной или еще что-нибудь подобное повлияло на психическое состояние Орлова, но в ночь с 22-го на 23 марта он повесился. Сейчас же

явился прокурор, следователь; обещали рассмотреть дело, но до последних дней никаких результатов этого обещания еще нет.

Из Киева. Один арестованный, не желая, чтобы бумажка, на которой были записаны адреса рабочих, попала в руки жандармов, проглотил ее у них на глазах. Тогда его связали и били по всему телу, а главное по животу, чтобы вызвать рвоту.

НЕКРОЛОГ.

1) В Сольвычегодске, Вологодской губ., отравился товарищ Казимир Людвигович Тышко...

Арестовали его в Дерпте 10 апреля 1899 г. в самый разгар студенческого движения, в котором он принимал участие; обвиняли в принадлежности к «Дерптскому Союзному Совету объединенных землячеств и организаций» и к «Дерптской кассе помощи революционному делу», продержали в тюрьме больше года и затем выслали в Вологодскую губернию на три года. Узнав о приговоре над товарищем Езюровским, сосланным в каторжные работы, с которым он был близок по Варшаве, где был студентом до 1895 г., он сделал попытку бежать. Попытка не удалась... Жизнь тяжело доставалась покойному. Сын мелкого почтового чиновника из Царства Польского, он еще на классной скамье должен был сам зарабатывать себе хлеб. Человек с резко выраженным революционным темпераментом, пылкий и горячий, он всегда и прежде всего ценил в людях их готовность «жизнь свою положить за други своя», их веру в торжество революционного дела, их любовь к нему, их способность беззаветно отдаваться борьбе. И он сам беззаветно отдавался революционной работе. Отдавался и совсем мальчишеским-гимназистом и юношей-студентом, и теперь в ссылке, где все его мечты и все надежды заключались в том, чтобы вернуться туда, где кипит жизнь и борются люди. Для этого он пытался бежать... Ему, страстно любившему революционное дело, горячо верившему в него, были вдвойне и втрое тяжелы угрюмые «хромоногие» дни ссылки... Он хотел заглушить свою жажду жизни и борьбы книгой, научными занятиями, литературной работой, и не мог... Рукописи сжигались, тянулись те же однообразные дни с тысячью и одной пошлостью маленького городишки, впереди, казалось, долго, долго ничего иного не будет... И покойный решил сразу покончить с тяжелой, чересчур тяжелой для него — чело- века борьбы — жизнью.

«Хорошо умереть молодым»... — сказал Некрасов. Хорошо ли? И крест над могилой Тышко не явится ли лишним живым укором всем знавшим и не знавшим его, тем, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат...

2) В Ростове-на-Дону покончил жизнь самоубийством бывший петербургский студент Георгий Попов, высланный после демонстрации 4 марта 1901 г.

3) В Нижнем-Новгороде в конце апреля умер от разрыва сердца бывший студент Казанского ветеринарного института Борис Иванович Рюриков, арестованный в Казани в феврале 1901 г. по социал-демократическому делу и высланный после 7-месячного заключения, подорвавшего его силы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Заграничной Лигой Русской Революционной Социал-Демократии получено:

От Зп. 46. 100 руб., от Ж. Ж. — обычный годичный взнос — 360 руб., от организации Юга 10 руб., от Архарова 15 руб., через Архарова за «Искру» 31 р., от З. Ж. — 2 руб. 75 коп., от Кременчугского Комитета 25 руб., от В. В. 9 руб., через Ъ. С. от Я. 25 руб., от рабо-

чих сахарн. завода 37 руб. 25 коп., от Д. К. 150 мар., 118 фр. с Волги через Цюрих, от велосипедиста из Льежа 21 фр., из Женевы через Г. 20 фр., с реферата 32 фр. 50 с., за литературу 100 фр., от горняков в Л. 23 мар.

Через А. Аксельрода: с реферата Долина 10 фр., с реферата Арсеньева 12 фр., за майскую литературу 13.30 фр., за издание Туна 10 фр., на «Искру» за апрель 38.30 фр., за литературу из гор. Л. — а 50 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9/II.

По поводу многократных обращений к нам с вопросами о том, как сносятся с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует по-

сылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Напечатанный в этом № «Искры» проект программы Р. С.-Д. Р. П. является результатом упорной борьбы, происходившей вокруг этого проекта в недрах редакции «Искры» и «Зари». Теоретическая часть этой программы была выработана Г. В. Плехановым и была принята несмотря на возражения Владимира Ильича и против него. Владимир Ильич противопоставил программе Плеханова свой собственный проект (Л. Каменев. «Введение к отделу „Материалы к выработке программы Р. С.-Д. Р. П.“» 1903 г.). Проект В. И. Ленина был им создан путем длительной работы над программой, начиная с середины 90-х годов.

Для уяснения себе обстоятельств, предшествовавших опубликованию «Проекта программы Р. С.-Д. Р. П.», необходимо обратиться к изданиям Института Ленина при И. К. В. К. П. (б). В №№ 2 и 3 «Ленинских сборников» читатель найдет основательное освещение истории создания программы, принятой на втором съезде Р. С.-Д. Р. П. Но и в других №№ этих сборников, особенно в опубликованной в них переписке, имеются очень важные указания, относящиеся к различным сторонам развития вопроса о происхождении программы Р. С.-Д. Р. П.

Прим. 2. Кн. Оболенский, — харьковский губернатор, беспощадно расправлявшийся с восставшими весной 1903 г. в Харьковской и Полтавской губ. крестьянами. Впоследствии был назначен финляндским ген.-губернатором, откуда был вынужден уйти после революции 1905 г.

Прим. 3. Фон-Плеве, В. К. (1846 — 1904) — министр внутренних дел, занявший этот пост после убийства Сипягина, крайний реакционер. В начале своей карьеры, в конце 70-х годов, П. был прокурором Петербургской Судебной Палаты и в этой должности выдвинулся своей борьбой с народовольцами. Плеве является ярким представителем полицейского режима Александра III, узколобым противником всех «новшеств», непримиримым врагом уступок какой бы то ни было оппозиции царизму, жестоким гонителем рабочих и крестьян. Заняв пост министра внутренних дел, он установил полицейскую диктатуру во всей России. Был убит 15 июля 1904 г. с.-р. С. Сазоновым.

Прим. 4. Дерулед, Поль (род. в 1846 г.) — вождь французских воинствующих националистов, монархист.

Прим. 5. Дрюмон, Эдуард (род. в 1844 г.) — журналист-монархист, проповедник милитаризма и антисемитизма.

Прим. 6. Жорес, Мильеран — см. «Искра» №№ 6 и 8 («Письма из Франции»), а также прим. 4-е и 7-е к № 18 «Искры».

Прим. 7. Вивиани (1863 — 1925) — французский социалист-оппортунист, сторонник вхождения социалистов в буржуазное правительство, впоследствии вышел из партии и сначала стал «независимым» социалистом, а потом и совершенно порвал с социализмом. Во время мировой войны — председатель совета министров (премьер-министр) во Франции.

Прим. 8. О Турском и Лионском конгрессе см. «Искра» №№ 6 и 8 («Письма из Франции»). Лионский конгресс Французской Социалистической Партии (1901 г.) отверг предложение левых об исключении Мильерана из партии, что вызвало уход левых с Гэром во главе и образование «Социалистической Партии Франции».

Прим. 9. Мелин, Феликс (род. в 1838 г.) — националист и монархист, прикрывавшийся республиканской фразой. В 1872 г. М. был членом Национального Собрания, примыкая в нем к республиканцам. Впоследствии он неоднократно был членом Палаты депутатов, а в 1888 г. ее президентом. В качестве премьер-министра в 1896 — 1898 гг. М. вместе с монархистами и националистами упорно сопротивлялся пересмотру дела невинно-осужденного за шпионство еврея Дрейфуса.

Прим. 10. В эту эпоху разброда в рядах социал демократии обединенные организации с.-д. и с.-р. существовали в нескольких городах (напр. в Саратове). «Искра» энергично боролась против таких противоземственных обединений.